

А. П. Козлов

Тревожная служба

Военные мемуары

Андрей Козлов

**Тревожная служба.
Военные мемуары**

«Издательские решения»

Козлов А. П.

Тревожная служба. Военные мемуары / А. П. Козлов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835458-8

Войну Андрей Петрович Козлов встретил начальником пограничной заставы. О первых боях с фашистскими захватчиками, о роли пограничников в бесперебойной работе Дороги жизни через Ладогу идет речь в первой части воспоминаний. А потом — нелегкая служба командира полка в западных районах страны, фронт без линии фронта. Завершается книга страницами о прославленной дивизии имени Ф. Э. Дзержинского. Воспоминания генерал-лейтенанта А. П. Козлова рассчитаны на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-44-835458-8

© Козлов А. П.
© Издательские решения

Содержание

Слово к читателю	6
Во имя жизни	8
Перед грозой	8
Лицом к лицу с врагом	29
Конец ознакомительного фрагмента.	42

**Тревожная служба
Военные мемуары
Андрей Петрович Козлов**

© Андрей Петрович Козлов, 2016

ISBN 978-5-4483-5458-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Слово к читателю

Как-то смотрел я телевизионную передачу из Ленинграда. В роскошном дворце собрались юноши и девушки. Играл оркестр. Было шумно и весело. И вдруг в зале воцарилась торжественная тишина. Исчезли улыбки. Стали суровыми лица.

Вошли убеленные сединой люди и стали вручать участникам вечера крохотные ломтики черного хлеба. «Сто двадцать пять блокадных грамм с огнем и кровью пополам...» Каждый с благоговением принимал в ладони этот необычный сувенир, долго-долго глядел на него. И в только что улыбавшихся юных глазах появлялись слезы. Это были слезы скорби и вместе с тем слезы радости радости победы, торжества жизни.

Эти юноши и девушки родились уже после войны. О блокаде, обстрелах и бомбежках, о героизме наших людей в боях с врагом они знают только из книг да из рассказов ветеранов – таких же вот, как эти поседевшие солдаты фронта и тыла, пришедшие сегодня к ним на вечер. И я подумал: как нужны нашей молодежи правдивые рассказы о тех трудных и славных годах... Именно тогда у меня возникло желание написать книгу воспоминаний.

Великая Отечественная война началась на моих глазах. Вместе со своими товарищами – бойцами и командирами пограничной заставы, я впервые лицом к лицу столкнулся с фашистскими захватчиками, а потом мы, пограничники, вместе с армейцами сражались под Ленинградом.

На моих глазах рождалась и набирала силы трасса, проложенная по льду Ладожского озера, легендарная Дорога жизни.

После разгрома врага народ-победитель приступил к мирному строительству, а для нас продолжалась боевая страда – надо было покончить с бандами фашистских прихвостней – буржуазных националистов, терроризировавших население наших западных областей.

Мне довелось быть участником событий, насыщенных беспримерным мужеством и отвагой. Встречаться с прекрасными людьми.

Те, кто приходит в жизнь теперь, должны знать прошлое Советской Родины, чтобы и пути выбирать с толком, и славу прошлых лет помнить. Берясь за перо, я хотел, чтобы молодые люди – военные и невоенные, прочитав книгу, «потрогали» это прошлое, во весь богатырский рост увидели отцов и старших братьев, не вернувшихся с войны, вспомнили еще раз всех – знаменитых и неизвестных, павших на поле брани, и взяли себе в пример их светлые жизни.

Память довольно полно сохранила все увиденное и пережитое. И все же, работая над воспоминаниями, я то и дело обращался к подлинным документам, хранящимся в архивах Министерства обороны СССР, Главного управления пограничных войск КГБ при Совете Министров СССР, к другим официальным источникам.

Отдаю свой труд, которому посвятил много лет, на суд читателей, особенно сослуживцев, товарищей, друзей – героев этой книги, как упомянутых мною, так и не названных.

В процессе работы над рукописью я получил весьма полезные советы и рекомендации от генерал-лейтенантов Г. И. Заболотного, В. И. Котова,

генерал-майора И. С. Розанова, полковников В. Ф. Кравченко, Е. И. Кречета,
за что выражаю им сердечную признательность.

А. Козлов

Во имя жизни

Перед грозой

К новому месту службы я ехал на первом пассажирском поезде, следовавшем из Ленинграда в Выборг. В вагоне с жесткими диванами было многолюдно. В основном – военные. И разговор шел о только что закончившихся боях на Карельском перешейке.

За окном проплывали дачные поселки. Хотя был уже конец марта, зима и не думала сдавать своих позиций. Первозданной белизны снег толстым слоем укрывал землю и крыши домов. Высокие красавицы ели баюкали на темно-зеленых лапах тяжелые белые охапки. С затаенной грустью смотрел я на них – ели напоминали мне тайгу, Сибирь, знакомые с детства места, о которых я тосковал.

Поезд шел все быстрее и быстрее. В сплошную пеструю ленту сливались дома и деревья, люди и автомобили. Но вот машинист стал тормозить.

– Пересекаем старую границу с Финляндией! – торжественно объявила девушка-проводница.

Все прильнули к окнам: хотелось поскорее увидеть, каков же он, Карельский перешеек?

Пропал, словно его сдули, снег, исчезли высокие красавицы ели. Вся земля окрест была перепажана бомбами и снарядами. Черными столбами высились расщепленные, без крон, деревья; тут и там – брошенное врагом оружие, исковерканная техника, печные трубы на местах сгоревших домов...

– Наш полк действовал на Рапалавском направлении, – рассказывал коренастый смуглолицый капитан. – Признаться, мы не думали, что на нашем пути окажется столько укреплений.

– Да, постарались шюцкоровцы¹, – поддержал его попутчик, капитан инженерных войск. – Строили укрепления по последнему слову военно-фортификационной техники. Да вы послушайте свидетельство авторитетного лица... Вот что говорит старший инспектор бельгийского участка линии Мажино генерал Бадю, технический советник барона Маннергейма... Капитан открыл свою полевую сумку, покопался в ней, извлек листок бумаги и начал читать:

«Нигде в мире природные условия не были так благоприятны для постройки укрепленных линий, как в Карелии. На этом узком месте между двумя водными пространствами – Ладожским озером и Финским заливом – имеются непроходимые леса и громадные скалы, – читал капитан. – Из дерева и гранита, а где нужно – и из бетона построена знаменитая линия Маннергейма. Величайшую крепость линии Маннергейма придают сделанные в граните противотанковые препятствия. Даже двадцатипятитонные танки не могут их преодолеть. В граните финны при помощи взрывов оборудовали пулеметные и орудийные гнезда, которым не страшны самые сильные бомбы. Там, где не хватало гранита, финны не пожалели бетона».

И как бы в подтверждение сказанного, за окном поплыли мощные противотанковые завалы и рвы, высокие гранитные надолбы. Вплотную к железнодорожному полотну подходили одетые в железобетон зигзагообразные траншеи. Так выглядели лишь промежуточные позиции предполья. Сама линия Маннергейма с сотнями железобетонных и тысячами деревоземляных сооружений находилась дальше, в глубине Карельского перешейка.

– Да, нелегко нам было все это одолеть, – продолжал капитан-пехотинец. – А тут еще сорокаградусные морозы... Противник сопротивлялся отчаянно. Но все же наша взяла!

На одной из стоянок мы с любопытством осмотрели находившийся поблизости дот – «миллионный», как его называли финны. Это была настоящая подземная крепость. Толщина бетонных стен достигала двух метров. Глубоко под землей таились боевые казематы, поме-

щения для боеприпасов и продовольствия, казармы примерно человек на сто, комнаты для офицеров, кухня, машинное отделение, помещения различного назначения. Подступы к доту прикрывали проволочные заграждения, гранитные надолбы, минные поля и противотанковый ров. О том, что бой здесь был упорным и жарким, говорило многое: «с мясом» выворочена массивная металлическая дверь, вдребезги разбиты броневые купола, на боковых стенках – бреши прямых попаданий. Здорово поработали наши артиллеристы!

И снова наш поезд тащится вперед по только что восстановленному пути. Колеса вагона отсчитывают стыки рельсов. Слушаю рассказы фронтовиков. Молчу. У меня пока боевого опыта совсем мало. Месяца два назад я, досрочно выпущенный из Саратовского пограничного военного училища лейтенант, был назначен командиром пулеметного взвода в отряд особого назначения НКВД, которым командовал комдив П. А. Артемьев. В отряд зачислили и моих товарищей по училищу лейтенантов Тюркина, Антипина, Тихонина и других. Январской ночью 1940 года воинский эшелон, уходивший из погруженного в темноту Ленинграда, взял курс на север. Фонарь «летучая мышь», подвешенный к потолку теплушки, ритмично раскачивался из стороны в сторону. Исходила жаром дымная «буржуйка». В дощатом вагоне было тихо, но я догадывался, что никто не спит – каждый думает нелегкую думу. Не на маневры едем – в бой.

Я знал: людей в отряд отбирали придирчиво. В моем взводе было семьдесят пять человек. Все рослые, один к одному, все коммунисты и комсомольцы, и все... старше меня по возрасту. Как-то сложатся мои отношения с ними?

Слышу тихий разговор на нижних нарах.

– Вот пойдём мы в бой, – начал один. – А кто нас пот ведёт? Мальчишка! Небось в училище экзамены по шпаргалкам сдавал.

– Для боя шпаргалки и конспекты не годятся, – вздохнул другой. – В бою надо мозгами шевелить.

– Вот и я говорю.

– «Мальчишка»... Ну и что? – загорячился третий. – Нынешние командармы тоже когда-то были юнцами. Лишь бы толковый парень был. Помогать ему будем. Если настоящий – поймет, что мы ему добра желаем...

Я очень хотел стать настоящим командиром. Вспомнились напутственные слова курсового командира Виктора Ивановича Козела:

– Вы получили хорошую подготовку. Но когда столкнетесь с жизнью, поймете, что знаний у вас совсем мало. Надо учиться изо дня в день – и у старших командиров, и у подчиненных. Критически оценивайте каждый свой шаг. «Семь раз отмерь, один раз отрежь» – это и для вас сказано!..

На рассвете эшелон остановился на станции Лоухи. Здесь сосредоточивался весь отряд, в который входили бойцы, командиры и политработники пограничных войск. Отсюда нам предстояло совершить более чем двухсоткилометровый лыжный переход через Кестеньгу, Соф-порог и Кушеванду до соприкосновения с противником.

На участке, где мы должны были действовать, не было мощных железобетонных огневых точек, подобных тем, что стояли на пути наших войск на Карельском перешейке, но здесь союзником врага была сама местность: густые девственные леса, крутые подъемы и спуски, многочисленные речки и озера, скрытые снегом незамерзающие болота. И мороз – ртуть в термометре опустилась на отметку минус сорок и не хотела подыматься. И снег – по пояс. А многие из нас впервые встали на лыжи.

Отряд состоял из трех групп, которыми командовали полковники Забалуев, Клешнин и Никифоров. Во взаимодействии с пограничным отрядом под командованием комбрига В. Н. Долматова мы должны были обеспечить правый фланг 9-й армии, которой командо-

вал В. И. Чуйков (ныне маршал Советского Союза), не допустить просачивания противника в наш тыл.

Получив боевую задачу, мы несколькими колоннами по разным маршрутам двинулись в поход. Шли без дорог, лесом, избегая открытых мест, выслав вперед разведку, боковые и тыльный дозоры; шли так, чтобы в случае внезапного нападения противника взаимно поддерживать друг друга огнем. Вслед за лыжниками пробивались артиллерия и обозы.

Медленно двигался наш отряд. Бездорожье и глубокие снега изматывали бойцов. Для сибиряков и северян переход не представлял трудностей, а уроженцам Кавказа и Украины лыжи доставляли столько хлопот, что некоторые не выдерживали, брали лыжи на плечи и, раскрасневшиеся, потные, брели, утопая в снегу. Выбившись из сил, снова становились на лыжи.

Глядя на своих бойцов, я невольно вспоминал кадры из кинофильма «За Советскую Родину». Известный финский революционер и интернационалист Тойво Антикайнен вот так же, как и мы, пробивался с отрядом лыжников через снега, штурмовал перевал, чтобы проникнуть в тыл шюцкоровцам. Вот так же мучились с лыжами его бойцы. И все же в неравном бою отряд Антикайнена разбил противника. В душе зрела уверенность, что и мы не подкачаем.

Каждую минуту командование использовало для учебы. Главное внимание обращалось на ведение огня из всех видов стрелкового оружия и метание гранат с лыж.

Как-то на привале организовали стрельбы из винтовок, ручных и станковых пулеметов, метание боевых гранат. Для стрельбища использовали заснеженную гладь озера. Я стрелял и метал гранаты первым во взводе. Старался изо всех сил, чтобы не ударить в грязь лицом. Ведь на меня пытливо смотрели подчиненные. Мне казалось, что я слышу за спиной голоса: «Посмотрим, на что ты способен, наш командир!» Я послал в цель все пули и гранаты. Гора с плеч! Не подкачали и бойцы взвода – почти все получили отличные оценки.

Противник вскоре догадался о готовящемся ударе и активизировал разведку. Хорошо зная местность, финны небольшими группами проникали в тыл наших войск. Происходило это, как правило, по ночам. Отъявленные головорезы-шюцкоровцы пытались нападать на штабы и обозы. Отлично владея тактикой борьбы мелкими подразделениями, пограничники выходили победителями из стычек с противником.

И вот позади остались двести трудных километров – мы вышли на линию государственной границы. Каждый горел желанием поскорее встретиться с противником. Вместе с пограничниками местных застав наши разведчики скрытно пробирались в глубь обороны противника, уточняли расположение опорных пунктов, наличие инженерных сооружений в полосе наступления, завязывали перестрелки с мелкими группами, захватывали «языков», уничтожали «кукушек»².

Среди бойцов моего взвода в походе особенно отличались П. Я. Власов, И. П. Загнойко, С. Г. Иванов, С. Х. Сенькин, И. Н. Усачев, Н. П. Хныков и А. Ф. Ястребов.

В один из дней я развернул газету Ленинградского военного округа «На страже Родины», и горячая волна радости всколыхнулась во мне – военный корреспондент подробно рассказывал о подвигах командира минометного взвода лейтенанта Дмитрия Ивановича Ракуса.

Митя Ракус... В Саратовском пограничном военном училище мы находились с ним в одном дивизионе, дружили и ревниво следили за успехами друг друга. В один день стали лейтенантами. Один поезд увез нас из Саратова в Ленинград. Только там наши пути разошлись – Д. И. Ракус получил назначение в полк, которым командовал майор С. И. Донсков.

...Чтобы захватить мост через реку Уксун-Йоки – Кяснясельске, который обороняла рота наших пограничников, противник бросил три батальона пехоты, саперов, подтянул артиллерию. Трое суток не затихал бой. Не обращая внимания на потери, враг лез напролом, но не продвинулся ни на шаг. Пограничники отстояли переправу. И все трое суток в самом пекле боя находился лейтенант Ракус. Смелость, решительность, богатырская сила и выносливость молодого командира вдохновляли бойцов, они были готовы идти за ним в огонь и в воду.

17 января лейтенант Ракус, замполитрука Горенчук и десять красноармейцев, находясь в разведке, обнаружили укрепления, в которых располагалась вражеская рота. Используя внезапность нападения, пограничники забросали противника гранатами, а потом ворвались в окопы, в ход пошли штыки и приклады. Более тридцати вражеских солдат и офицеров уничтожили пограничники, остальных обратили в бегство, а сами не получили и царапины, если не считать, что вражеская пуля пробила Дмитрию подсумок. Ценные сведения, добытые разведчиками, помогли командованию Красной Армии окружить и уничтожить крупную вражескую группировку...

И сколько еще раз Дмитрий Ракус ходил в разведку, участвовал в рукопашных схватках. Газеты часто писали о его делах. Я читал и по-хорошему завидовал своему другу. Прочитал я в газете и о бое 27 января, когда Дмитрий Ракус первым бросился в атаку, увлекая за собой бойцов. И они смяли врага. Но мой друг уже не видел этого – вражеская пуля пробила ему сердце... Указом Президиума Верховного Совета СССР лейтенанту Дмитрию Ивановичу Ракусу было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Д. И. Ракусу шел тогда двадцать второй год. Родился он на Харьковщине, но вырос и возмужал в Сибири, поэтому мы по праву называли друг друга земляками. Благодарные жители села Дзержинского, Канского района, Красноярского края назвали его именем одну из улиц и среднюю школу. Имя Героя Советского Союза Д. И. Ракуса золотыми буквами выбито и на мемориальной доске в родном училище...

Отряд комбрига В. Н. Долматова во взаимодействии с частями 9-й армии развернул активные боевые действия. Пограничники уничтожили более семидесяти вражеских групп, пытавшихся проникнуть в расположение наших войск. Безопасность тыла действующей армии была надежно обеспечена.

На ряде участков мы перешли границу. 12 марта самолеты сбросили над подразделениями отряда листовки с сообщением о перемирии с Финляндией и приказанием покинуть ее территорию.

В поселке Соф-Порог командир отряда комдив П. А. Артемьев, военком полковой комиссар С. С. Прокофьев и начальник штаба комбриг П. М. Богданов горячо поблагодарили бойцов и командиров за успешное выполнение боевой задачи.

Возвратившись в Ленинград, я получил назначение в 103-й погранотряд. Ко всеобщей радости, мы, выпускники Саратовского пограничного военного училища, снова оказались вместе.

– Нам здорово повезло! – воскликнул лейтенант Николай Иванович Антипин. – Когда чувствуешь локоть товарища – легче служить.

Каждого из нас принял начальник войск Ленинградского пограничного округа комбриг Григорий Алексеевич Степанов.

– Вы воевали на правом фланге, – сказал он мне, – а службу будете нести на левом. Карельский перешеек – ответственный участок границы. Вы назначаетесь начальником заставы. Вам оказывается большое доверие!

Комбриг бросил взгляд на висевшую на стене карту и продолжал:

– Никогда не забывайте, что в Финляндии Красная Армия прорвала такую укрепленную линию, которую не прорывала ни одна армия мира. В результате боевых действий перестал существовать грозный и мощный плацдарм для нападения на нашу страну. Эта победа досталась нам нелегко – ведь мы встретились с объединенными силами империализма, в течение долгих лет укреплявших Карельский перешеек. Землю, политую кровью лучших сынов нашего народа, нужно беречь как зеницу ока!

Я был горд оказанным мне доверием и заверил начальника войск, что сделаю все, что в моих силах...

И вот я направляюсь на свою заставу...

Мы сошли на станции Макеалахти, изрядно пострадавшей в дни боев, и отправились в поселок Ремпетти разыскивать штаб 103-го погранотряда. Нашли быстро, хотя в поселке было много воинских частей. Штаб занимал большой дом, срубленный из вековых сосен.

Принял нас начальник штаба майор С. Н. Охрименко. Плотный, крутолобый, он своим громким басом сразу заполнил всю комнату. Может быть, поэтому майор показался мне вначале гигантом, хотя на самом деле был среднего роста.

Беседа была долгой и обстоятельной. Семен Никифорович Охрименко разузнал все, что ему хотелось, о каждом из нас, ввел в курс дел, дал много ценных советов.

В разгар беседы тоненько запищал зуммер полевого телефона. Майор снял трубку, послушал и коротко ответил:

– Хорошо, лекцию я прочитаю.

И снова вернулся к прерванному разговору:

– Каждый, кто попадает на границу, мечтает непременно отличиться. «Семен Лагода, Андрей Коробицын, Валентин Котельников, Никита Карацупа смогли, значит, и мы сможем!» – рассуждают новички. Конечно, смогут! Но нельзя забывать, что героем не делаются в пять минут, что сам подвиг может длиться секунды, но он обязательно бывает подготовлен всей жизнью. – Семен Никифорович внимательно посмотрел почему-то только на меня и, не сводя глаз, продолжал, словно говорил только мне: – В жизни всегда есть место подвигу. Но молодые пограничники, в том числе и командиры, почему-то непременно связывают его с перестрелками, преследованием нарушителей, с самыми фантастическими приключениями. А разве служба в течение нескольких лет на отдаленном острове, где не увидишь никого, кроме своих подчиненных да нечастых гостей – командиров из комендатуры и отряда, служба в жару и в холод, в дождь и в пургу, служба, каждый день связанная с риском для жизни, – разве все это не подвиг?

«Неужели мне уготован отдаленный остров?» – подумал я.

– Сегодня вам предстоит совершить марш-бросок, – объявил вдруг майор и лукаво, одними глазами, улыбнулся, когда посмотрел на наши сразу помрачневшие лица. – Не бойтесь, не такой, какой вы совершили в Карелии, и не такие, какие выпадали на вашу долю в училище. Пойдете через Финский залив на остров Койвисто, где располагается 1-я комендатура... Между прочим, комендант ее, капитан Меркурий Семенович Малый, – человек завидной храбрости. Он отличился в боях с белофиннами, за что награжден орденом Ленина. До Койвисто пять километров. Там вас ожидают ваши подчиненные, которых вы поведете на заставы: лейтенанты Козлов и Тюрякин – на остров Пий-Саари (на острове Пий-Саари застава лейтенанта Тюрякина располагалась до октября 1940 года. – А. К.), лейтенант Антипин – на остров Тиурин-Саари, лейтенант Тихонин останется на острове Койвисто.

«Так оно и есть!» – невесело подумал я, и, видимо, лицо у меня было в эту минуту такое, что майор догадался о моих мыслях. Он спросил:

– Вы, кажется, приуныли? Не вижу оснований для этого. Военная судьба изменчива. Знаю одно: толковые начальники подолгу на заставах не задерживаются – их ждут продвижение по службе, учеба в академии...

Мы все одновременно вопросительно посмотрели на С. Н. Охрименко.

– Да-да, вы не ослышались – учеба в академии. А что? Не боги горшки обжигают! Но прежде чем уйти с заставы, потрудитесь оставить о себе добрую славу. Добейтесь, чтобы вы, образно говоря, всегда оставались в строю, чтобы пограничники, сменяя друг друга, как эстафету, передавали рассказы о ваших делах.

Снова запищал зуммер телефона.

– Хорошо, Александр Александрович. Мы уже в общем-то заканчиваем. Майор положил трубку и улыбнулся: – Комиссар ждет не дождется встречи с вами.

Семен Никифорович вышел из-за стола, каждому из нас крепко пожал руку и пожелал успехов.

Военком отряда батальонный комиссар Александр Александрович Пьянков, как и начальник штаба, был небольшого роста, но покрюжистее. На его лице не гасла улыбка. Слушая собеседника, он чуть заметно кивал головой, словно ободрял, поддерживал, вызывал на откровенный разговор. Комиссар заговорил о главном – о людях, о работе с ними.

– Никогда не забывайте, что к подчиненным надо относиться, как отец к сыновьям. Не заигрывать с ними – народ быстро разгадывает фальшь. Не кричать на них – криком человека не воспитаешь. Ни в коем случае не путайте формирование коллектива с составлением боевого расчета. У каждого человека есть мечта, большая или маленькая, но мечта, может быть, даже одна на всю жизнь. Надо знать, о чем мечтает каждый из ваших подчиненных, помогать осуществлению этой мечты. Ведь при сильном желании человек может добиться даже невозможного.

Комиссар снова пытливо оглядел нас.

– Всем вам хоть немного, но довелось повоевать. Это хорошо: боевой опыт – самое большое богатство для военного человека. Но война показала не только наши сильные стороны – они на виду у всех, но и наши недоработки в обучении и воспитании людей и во многом другом. В боевой учебе мы допускали немало условностей и послаблений. А надо учить людей тому, что нужно в бою, и так, как бывает в бою. Хромала и наша политическая работа. По требованию штаба войск погранокруга мы готовим сейчас свои предложения по устранению недостатков. – Батальонный комиссар похлопал ладонью по лежавшей перед ним бумаге. – В скором времени обсудим этот документ с начальниками и политруками застав.

Требование современной воинской жизни, друзья мои, – ни одного дня без учебы в обстановке, приближенной к боевой! Помните: тот, кто стоит на месте, идет назад. Назад! – повторил Пьянков, повысив голос. – Понимаете? Умейте сами и научите подчиненных ползать попластунски, окапываться. Умейте сами и научите подчиненных владеть штыком и прикладом, метко стрелять из всех видов табельного оружия, метать гранаты. В будущей войне, а она, думается мне, не за горами, героем будет тот, кто отважен и всесторонне подготовлен в военном отношении.

«Война, думается мне, не за горами...» Эти слова комиссара встревожили. Но я тут же подумал: «Красная Армия дважды всыпала японским милитаристам. Поставила на свое место маннергеймовцев. Не может быть, чтобы это не отрезвило немцев!»

Комиссар поднялся и, заложив руки за спину, стал расхаживать по комнате.

– Все вы были в отряде особого назначения, – начал он после минутного молчания. – Я понимаю, вам немножко не по себе: и воевали будто, и не воевали, в тяжелейших условиях прошли на лыжах двести километров по лесам Карелии, а настоящего боя так и не увидели. Верно я говорю?

– Верно, товарищ батальонный комиссар! – за всех нас ответил Антипин.

– А вам такая задача и была поставлена! – Пьянков сжал кулак и легонько ударил им по столу. – Вы были резервом. Вы и другие такие же отряды. «Зачем? На случай чего?» – спросите вы. Отвечу. Наши войска не сразу поняли, что это такое – линия Маннергейма, с чем ее едят. А пока разбирались, пока прикидывали, где и как ее лучше прорвать, капиталистические страны – одни открыто, другие тайно – в самых широких размерах готовили помощь Финляндии. Англичане даже экспедиционный корпус на суда посадили. Стремительное наступление Красной Армии расстроило эти коварные планы. Рюти, Таннер, другие финские заправилы, раздумывая над картой боевых действий, поняли, что советские войска вот-вот окажутся в Хельсинки, и запросили пардону. Мы не возражали. Пожалуйста. Безопасность Ленинграда обеспечена. А так называемое жизненное пространство, не в пример некоторым странам, нам ни к чему.

На прощание комиссар сказал:

– Еще раз прошу: не забывайте о политическом обеспечении службы и учебы. Помните: за политическое воспитание подчиненных спрос прежде всего с вас. Не считайте, пожалуйста, что это дело только политрука. Если командир не может провести политические занятия, политинформацию, беседу, прочитав лекцию, выступить с докладом, если не может ободрить, воодушевить людей страстным словом, какой же он после этого командир!..

* * *

До острова Койвисто нам дали провожатого. Лед был надежным, если не считать множества уже затянувшихся воронок от снарядов и бомб. Дошли быстро.

Первый, кого я увидел в штабе комендатуры, был политрук Иван Никитович Орешков. Мы обнялись.

– Андрей, снова вместе! – объявил Орешков. – Я назначен к тебе на заставу.

Мы обнялись еще раз. Для меня это сообщение было большой радостью.

Орешкова тоже досрочно выпустили из Петергофского пограничного военно-политического училища и направили в отряд особого назначения НКВД. Так стал он политруком пулеметного взвода, которым командовал я. Мы подружились. Иван Никитович никогда не унывал, и это мне нравилось в нем больше всего. Бывало, прищурится, улыбнется одними глазами и начнет рассказывать – все слушают его как замороженные. Пограничники тянулись к нему, как иззябшие люди к ярко пылающему костру. Был он щедр душой, отважен и смел, любая работа в его руках спорилась.

Получилось так, что в Соф-пороге наши с Орешковым пути разошлись. Мы погоревали и, делать нечего, распрощались.

– То мы только пели: «На запад поедет один из вас, на Дальний Восток другой...» – горько пошутил Орешков, – а теперь и в самом деле разъезжаемся. Встретимся ля?

И вот встреча состоялась.

– Личный состав заставы видел? – спросил я Ивана Никитовича.

– Отличные ребята! – с гордостью отозвался Орешков о пограничниках. Такие же, какие были у нас во взводе. Многие служат по пятому году. (Старослужащим так и не удалось демобилизоваться – помешала война. – А. К.) Любой из них, если потребуется, может заменить нас с тобой. Меня особенно радует то, что и коммунисты есть. На заставе будет полнокровная партийная организация!..

«Подчиненные у меня коммунисты, а сам я – комсомолец, – мелькнуло в голове. – Несомнение получается! Пора и мне готовиться для вступления в партию – это ведь заветная мечта...»

Дежурный пригласил к коменданту. Капитан М. С. Малый встретил нас радушно. Был он коренаст и темноволос. На чисто выбритом лице, продубленном солнцем и ветрами, выделялись острый нос и прищуренные, словно всматривающиеся, карие глаза. С первой минуты мы заметили, что Меркурий Семенович Малый немногословен, точен, внимателен к людям. Инструктаж коменданта отличался деловитостью. Слова ясные и емкие.

Когда чисто служебные дела были решены, Меркурий Семенович сказал:

– Поговорим о хлебе насущному Сегодня познакомьтесь с личным составом, получите продовольствие, оружие, боеприпасы, погрузите все это на розвальни – и в путь. Продовольствие, обмундирование и снаряжение, боеприпасы, почту мы будем доставлять вам вначале гужевым транспортом, затем – на катерах.

И вот мы у цели своего непродолжительного путешествия. Быстро освободили сани, перенесли грузы на берег и остановились, разглядывая дома поселка Алватти, морской маяк и окружающую местность – недавний узел сопротивления, левый фланг линии Маннергейма.

Один из цепи островов, прикрывавших собой Карельский перешеек с запада, Пий-Саари – бывшая морская крепость – узкой полосой (длина шестнадцать километров, ширина

один – четыре километра) вытянулся с севера на юг. Из рассказов коменданта я знал, что здесь проходили ожесточенные бои. Острова Койвисто, Тиурин-Саари и Пий-Саари теперь контролировали морские подступы к Ленинграду.

По-весеннему ярко светит апрельское солнце. Морозный воздух пропитан дразнящими запахами хвои, смолы, набухших почек березы, черемухи, тополя... Кипенный снег густо запятнали черные кляксы – следы артобстрелов и бомбежек. Повсюду – разбитая, искореженная боевая техника, военное имущество, трупы лошадей и коров.

Не разведан, хотя бы наспех, ни один метр земли, на которой мы будем теперь нести службу и которую, в случае необходимости, будем защищать до последнего вздоха. Что таят в себе эти уютные с виду домики, выкрашенные масляной краской? А подступающий прямо к поселку лес и выглядывающие из-за деревьев гранитные глыбы? Не исключено, что шпикоровцы оставили после себя фугасы, мины и другие сатанинские «сюрпризы». Они ведь были мастерами таких подлых методов борьбы. (Как мы потом узнали, все дороги и подступы к огневым точкам на островах Выборгского залива были минированы. Только в Тронг-Сунде и на острове Ревон-Саари саперы обнаружили и обезвредили пять с половиной тысяч мин и различных фугасов.)

Поселок почти не пострадал от военных действий. Лишь в некоторых домах взрывной волной были выбиты стекла, сорваны с петель двери да близко разорвавшийся снаряд разворотил крышу на бане (баню мы отремонтировали к первую очередь и через несколько дней уже мылись в ней). Мы издали облюбовали вместительный, хорошо сохранившийся дом и стали осторожно пробираться к нему, ступая след в след.

Внутри все говорило о поспешном бегстве хозяев: шкафы открыты, ящики выдвинуты, на полу разбросаны носильные вещи, обувь, книги... Стены промерзли и покрылись инеем. Цветы на окнах погибли, земля в горшочках потрескалась. Только печь-голландка, облицованная кафельными плитками с рисунками из сказок Андерсена, оставалась изящной и нарядной.

Старшина приступил к своим обязанностям, а мы с политруком решили поближе познакомиться с участком границы, который нам предстояло охранять.

Снег хорошо держал, поскрипывал под лыжами. Идти было легко.

Белой скатертью тянулся скованный льдом заснеженный Финский залив. Вдали, в туманной дымке, вырисовывались очертания стылого гранитного берега Финляндии. Там иная жизнь, иные люди...

Только теперь я по-настоящему понял слова комбрига Г. А. Степанова: «Вы назначаетесь начальником заставы. Вам оказывается большое доверие!..»

Не спеша прокладывал я будущую дозорную тропу, а мысль уже билась над тем, как организовать службу, закрыть границу на крепкий замок. Примечал все, что встречалось на пути.

...С этой высоты хорошо вести наблюдение за сопредельным берегом.

...Вон в тех зарослях самое подходящее место для МЗП – малозаметных препятствий.

...Кустарник навис над берегом. Летом нарушитель может незамеченным причалить на лодке...

Политрук залюбовался тремя росшими вместе высокими, пушистыми елями. А я подумал: сама природа наблюдательную вышку построила. Далеко отсюда видно!

Когда мы с Орешковым возвратились с рекогносцировки, в доме все уже было прибрано. Жадно пожирая дрова, топились печь и плита. Повар заканчивал приготовление обеда.

«Молодец старшина, – отметил я про себя. – Расторопный!»

В дальнейшем это первое впечатление подтвердилось. Старшина Петр Горбанюк, смуглый, с живыми серыми глазами, хитровато выглядывавшими из-под густых, сросшихся на переносице бровей, был человеком энергичным, хозяйственным и по-хорошему упрямым. Уж если он задумал что-нибудь сделать, его не остановят никакие трудности.

Кроме шести лошадей и двух коров, присланных комендантом вскоре после нашего появления на острове, мы держали до пятнадцати свиней, выращивали картофель и капусту, огурцы и лук, укроп и петрушку, ловили рыбу, собирали и запасали впрок грибы и ягоды. И все это лежало на крутых плечах неутомимого Горбанюка, а тот лишь радовался.

Старшина был не только заботливым и добрым, но и строгим, требовательным, старательно поддерживал дисциплину, и его побаивались...

После обеда состоялся митинг. С горячей речью на нем выступил политрук Орешков. Красноармейцы и младшие командиры клялись зорко охранять границу, быть отличниками боевой и политической подготовки, крепить дисциплину.

А немного позже прозвучали слова, которых никогда не слышали стены богатого финского дома:

– Приказываю заступить в наряд по охране Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик!

Это был мой первый боевой приказ.

* * *

Хотя люди и были отлично подготовлены, они пришли из разных подразделений, поэтому мы сразу же занялись сколачиванием заставы.

– Знаешь, что нам надо сделать? – сказал мне политрук после того, как первые наряды вышли на границу. – Провести партийное и комсомольское собрания, а потом – общее. Митинг – это хорошо, но им нельзя ограничиться. Энергии у ребят хоть отбавляй. Следует направить ее в нужное русло. Орешков замолчал. Пристально посмотрел на меня. – Андрей, у меня к тебе деликатный разговор. Свое дело я будто бы знаю. Сверх программы могу «солнце» на турнике крутить, через «коня» прыгать, «коротким» и «длинным» колоть. А вот стрелять... – Орешков развел руками, – стреляю плохо. И знаешь почему? Глаза закрываются при выстреле. Ничего с собой поделать не могу. Научи меня метко стрелять, Андрей, век тебя не забуду. Только чтоб никто не знал, хорошо? Будем уходить с тобой подальше от заставы...

Еще больше я полюбил тогда своего политрука. Учеником он оказался прилежным и вскоре стрелял отлично.

Через неделю после того, как мы приняли границу под охрану, на заставе появился мой заместитель лейтенант Алексей Дмитриевич Мелехин, такой же молодой, как и мы с Орешковым, как и мы, холостой. Красивый, стройный, подтянутый, он был замечательным рассказчиком, хорошо пел, любил и понимал музыку. Лейтенант как-то сразу вошел в жизнь заставы. Пограничники полюбили его, хотя был он требователен, строго взыскивал и за плохо отглаженное обмундирование, и за несвежий подворотничок, и за нечищенные пуговицы.

Помня урок, преподанный карельским переходом, главное внимание я вначале обратил на лыжную подготовку, благо дни стояли морозные, солнечные. Как и в пулеметном взводе, которым я командовал в отряде особого назначения, на заставе не все владели лыжами так, как требовалось в бою. И мы стали упорно тренироваться. Лыжные переходы, лыжные гонки, стрельба с лыж из всех положений прекратились только тогда, когда снег потемнел и пропитался водой.

– Бойцы стали с лыжами на «ты»! – с гордостью доложил мне Мелехин.

Весна наступила как-то незаметно, вдруг. Словно сало на сковороде, стал быстро таять снег, зажурчали верткие, как ящерицы, ручейки. Песчаная почва быстро поглотила их и долго потом исходила паром.

Забот сразу прибавилось. Мы собрали и сожгли негодное военное имущество, оставшееся после отступления противника, и другой мусор, произвели разведку территории поселка, домов, хозяйственных построек. Нам предстояло построить дзоты, блокгаузы, отрыть окопы, щели и траншеи, оборудовать стрельбище, штурмовую полосу и спортивную площадку.

Ни на один день не прекращались занятия. Политическая, строевая, противохимическая и инженерная подготовка, стрелковые тренажи, штыковой бой, гранатометание, топография сменяли друг друга. Бойцы, хотя и служили пятый год, занимались с охотой. Мелехин умело разнообразил программу, усложнял нормативы и тем самым увлекал пограничников.

С первым катером на заставу прибыла группа командиров. Рядом с капитаном Малым легко и молодцевато шагал рослый плечистый майор. Когда я поспешил навстречу, сопровождавшие майора лица, в том числе и комендант, чуть-чуть приотстали. Начальник отряда, догадался я.

Пока я рапортовал, из-за припухлых век на меня смотрели не мигая серые с желтинкой глаза. Широкие брови вразлет, строгое не улыбающееся лицо, крутой подбородок говорили, как мне тогда казалось, о трудном характере этого человека. Распушит сейчас, только держись!

Но начальник отряда майор Петр Михайлович Никитюк молча пожал мне руку и так же молча прошел мимо. Приехавшие побывали всюду: в помещениях, где жили пограничники, в курилке и на кухне, на продовольственном складе и в бане, на конюшне и в коровнике...

– Молодцы! – одобрительно сказал майор и впервые улыбнулся. – Ничего другого я от вас и не ожидал.

Начальник отряда приказал собрать свободных от службы людей в ленинском уголке. И здесь я убедился в своей ошибке. Петр Михайлович Никитюк оказался человеком удивительно простым и душевным, веселым и общительным. Рассказав личному составу о задаче, стоящей перед заставой, ответив на вопросы, майор сам стал задавать их собравшимся:

- Как разжечь костер в дождливую погоду?
- Как определить время, если нет часов?
- Чем можно питаться в лесу зимой?

Ответы бывалых пограничников радовали начальника отряда, и он удовлетворенно потирал руки.

– Молодцы! В трудную минуту и сами не пропадете и других выручите.

На Карельский перешеек П. М. Никитюк приехал с Сахалина, где был начальником штаба погранотряда. Он знал множество смешных историй из пограничной жизни, увиденных за долгую службу. Когда майор рассказывал некоторые из них, в ленинском уголке стоял хохот.

Я проникся глубоким уважением к майору Никитюку и порадовался, что попал к нему в подчинение.

Вместе с П. М. Никитюком и капитаном М. С. Малым на заставу приехали комиссар 1-й комендатуры старший политрук Николай Иванович Ковалев, помощник начальника штаба отряда Василий Афанасьевич Кельбин и военфельдшер комендатуры Федор Харитонович Гринь. Каждый из них оказал нам с Мелехиным и Орешковым большую помощь. Начальник отряда, командиры его штаба, комендатуры и в дальнейшем приезжали на заставу. П. М. Никитюк, истый кавалерист, всякий раз объезжал остров верхом.

– Душу отвел! – счастливо улыбался он, спешиваясь.

Каждая встреча со старшими начальниками обогащала меня новыми знаниями, расширяла кругозор. У каждого из них я вольно или невольно перенимал понравившиеся мне черты характера: деловитость, смелость в решениях, умение кратко и ясно выразить свою мысль...

Одним из добрых своих учителей считал я старшего политрука Ковалева. Он был суров с виду, суховат, педантичен. Но каким душевным человеком был комиссар на самом деле, как любил людей, как по-отцовски относился к ним!

Находясь как-то у нас на заставе, старший политрук обратил внимание на красноармейца Петра Антоновича Войтенко, занимавшегося на турнике.

– Хорошо работает, ошибки только допускает, – заметил Ковалев.

Коммунист Войтенко считался одним из лучших бойцов заставы. Мастер пограничной службы, меткий стрелок, спортсмен, он дня не мог прожить без газеты, без книги. Орешков доверял ему проведение политинформаций. Я сказал об этом комиссару.

– Тем более он не имеет права на ошибки! – заметил Ковалев.

Старший политрук снял снаряжение, подошел к турнику, ловко, словно бы и без усилий, подтянулся и начал... У меня даже дух захватило.

– Вот это да-а! – восхищенно произнес Войтенко. На следующее утро мы вышли на стрельбище. Старший политрук отправился с нами.

Из тридцати возможных Войтенко выбил из винтовки двадцать девять, красноармейцы Иван Степанович Семин, Павел Тихонович Калашников и Петр Степанович Иванов – по двадцать восемь. Старший политрук Ковалев все три пули послал в «десятку». Дальше всех пролетели его гранаты-болванки. Быстрее всех преодолел он штурмовую полосу.

Пограничники только ахали.

На пути со стрельбища Войтенко вдруг спросил:

– Товарищ старший политрук, а вы рыбу ловить умеете?

– Удочкой? – уточнил Ковалев.

– Удочкой.

– Умею.

– Можно, я вас на соревнование вызову? – осмелился Войтенко.

– Готов постоять за честь комендатуры! – Николай Иванович улыбнулся.

Обговорили условия, взяли удочки и пошли на озеро. Их сопровождали болельщики – все свободные от службы пограничники.

Победителем вышел Войтенко. Он был у нас непревзойденным рыбаком, и ему всякий раз везло. Посылая Войтенко за рыбой для заставы, старшина Горбанюк всегда был твердо уверен, что рыба будет, словно посылал бойца не на озеро, а в магазин.

– Проиграл, – развел руками старший политрук. Но тут же улыбнулся и шутливо погрозил Войтенко пальцем: – Но вы, Петр Антонович, не задавайтесь – в следующий раз меня голыми руками не возьмете!

– А мы постараемся быть первыми на огневом рубеже л штурмовой полосе! ответил Войтенко...

Вся застава готовилась к новой встрече с комиссаром комендатуры. Пограничники шлифовали упражнения на снарядах, метали гранаты, были особенно старательны на стрелковых тренажах. Душой этого своеобразного соревнования стали коммунисты.

– Мы выиграем в любом случае, – говорил бойцам лейтенант Мелехин, тоже захваченный борьбой. – Если и не перекроем показатели комиссара, то обязательно повысим боеготовность заставы, будем лучше стрелять, метать гранаты...

«Показатели комиссара...» Этот термин был на устах у всех.

Как сейчас помню, в одном из боевых листков красками был написан призыв: «Стрелять, метать гранаты, преодолевать штурмовую полосу и работать на снарядах так, как старший политрук Н. И. Ковалев!»

Кто-то из пограничников четко приписал простым карандашом: «И даже лучше!»

Нас с Орешковым сначала смутила эта приписка, а потом решили: пусть остается!

Когда Н. И. Ковалев приехал на заставу снова, он сразу заметил, что пограничников словно бы подменили. На огневом рубеже, штурмовой полосе, спортивных снарядах они демонстрировали высокую выучку.

– Снайперы! Чемпионы! – восклицал старший политрук и, довольный, улыбался.

На рыбалке снова первенствовал Войтенко. Правда, Ковалев отстал всего на одну рыбину...

* * *

С первых же дней я взял на себя организацию службы, Мелехин – боевой подготовки, Орешков – политической. Это не значило, конечно, что мы, распределив функциональные обязанности таким образом, ничего, кроме этого, и знать не хотели, не интересовались, чем каждый из нас занимается, не помогали друг другу, не были готовы друг друга заменить. Мы сами не забывали об этом, да и начальство не раз напоминало. Приезжает как-то на заставу батальонный комиссар А. А. Пьянков и спрашивает:

– Когда у вас политические занятия состоятся?

– Завтра, товарищ батальонный комиссар, – ответил Орешков.

– В таком случае, я останусь у вас, послушаю, о чем речь пойдет. Пьянков обвел нас троих внимательным взглядом и вдруг обратился ко мне: – Вы готовы к занятиям, товарищ Козлов?

– Готов, товарищ батальонный комиссар.

– И конспект есть?

– Есть.

– Вот и хорошо, – удовлетворенно заметил Пьянков. – Начальник в первую очередь отвечает за политическое воспитание подчиненных...

Когда на заставу приезжали комендант или начальник штаба, офицеры отряда, в таком же положении, как я, оказывался Орешков. И ни у кого из старших начальников не было оснований быть недовольными кем-нибудь из нас.

Большую помощь оказал мне начальник штаба комендатуры капитан Виктор Александрович Оралов, побывавший на заставе сразу после начальника отряда.

Где-то я читал: сила таланта в том, что он видит загадку там, где остальным все ясно. Оралов был таким.

– У вас есть точное описание острова? – спросил меня начальник штаба.

– А зачем? – удивился я. – Многое я уже изучил и знаю на память.

– Память – инструмент несовершенный, – возразил капитан, – вы на нее не очень-то надеетесь. И потом: не только вы должны знать свои «владения», но и все пограничники.

– Все, что знаю сам, я рассказываю подчиненным, – не сдавался я.

– По-блошиному рассказываете! – почему-то рассердился начальник штаба. – Прыгаете с пятого на десятое, что вспомните, то и говорите. А у вас при обучении подчиненных должна быть система. Ясно? Запасайтесь карандашами, бумагой и терпением. Походим с вами по острову, каждое дерево, каждый валун, каждую тропку опишем, все заливы и проливы, нейтральные островки на учет возьмем. Разобьем остров на квадраты, сектора, вычертим кроки, наблюдательные карточки, схемы... Документ у нас с вами получится. Ясно? Он пригодится вам не только для занятий с подчиненными, но и, главное, для раздумий. Как перехитрить тех, кто наблюдает за вами с того берега, ждет подходящего момента, чтобы напасть? Где надо усилить наряды, а где обойтись с помощью различных ловушек, сигнальных устройств, инженерных сооружений? Как лучше организовать взаимодействие с соседями?..

Такой документ мы с начальником штаба составили, затратив на это почти неделю. Какое ценное пособие получилось! Им пользовались и мои заместители, и младшие командиры. Документ этот изменялся и дополнялся. Он заставлял каждого из нас думать, как лучше организовать службу.

* * *

В один из своих приездов начальник отряда обещал нам для усиления охраны границы прислать катер. И вот возле заставы ошвартовалось небольшое суденышко – катер КМ-1 с командой, по всему виду, хорошо знавшей свое дело. Мы все высыпали ему навстречу.

– Товарищ лейтенант, морякам бы показать, – загорелся старшина. Как-никак – обновка!

Я согласился, и Горбанюк, оседлав двух лошадей, отправился к соседу, располагавшемуся от нас ближе других.

Кроме пограничной заставы на острове дислоцировались подразделения балтийских военных моряков. Батальоном морской пехоты командовал высокий, стройный капитан Шведов, опытный, много знавший и умевший командир, хороший, душевный человек. Я любил бывать в уютном домике, в котором капитан обитал с семьей и где главными жильцами считались книги. Ими был заполнен вместительный шкаф и прикрепленные к стенам полки. Книги лежали на письменном столе, на подоконниках. Хозяин был интересным собеседником, не только хорошо знал тактику современного боя, но и глубоко разбирался в вопросах международной и внутренней жизни, литературы, был завзятым театралом, ценителем живописи.

Артиллеристы-зенитчики старшие лейтенанты Ряцков, Чирков и политрук Хромов несли службу километрах в пяти от батальона морской пехоты, на противоположной стороне острова. Были они на год-два старше меня. Веселые, гордые на выдумку, моряки-зенитчики, появляясь на заставе, вносили заметное оживление в нашу жизнь. Чирков жил на острове с женой и детьми. Ряцков и Хромов были холостыми. Кровь бурлила в молодых жилах. Наведываясь ко мне в гости, они первым делом просили разрешения поскакать по острову на лошадях.

– Вот джигиты! – добродушно улыбался Чирков. – Женить их надо. Да и тебя тоже. Чего бирюком живешь?

Старшина привез капитана Шведова, взял еще одну лошадь и отправился на батарею за Ряцковым, Хромовым и Чирковым (сам он решил остаться на правом фланге заставы, где шло строительство дзота).

Капитан придирчиво осмотрел катер, погонял на различных режимах мотор, выключил его, тщательно вытер ветошью руки и сказал:

– Не линкор, конечно, но посудина стоящая!

Мы остановились на лужайке возле заставы и залюбовались окрестностями. Зелеными и густыми стали лесные чащи. На залитых солнцем полянах сочная трава вымахала чуть ли не по пояс. Серебрились озера, которых на острове было множество. Вокруг них росли прямые и островерхие ели. Они словно бы укрывали от глаз людских эти гранитные чаши, наполненные прозрачной студеной водой, богатые рыбой и дичью. Изгибался, будто о солнце терся, Финский залив и оттого блестел, смотреть было больно. Из морщин проливов высывались нейтральные островки, то голые каменистые, то опушенные осокой и невысоким морским камышом. По краям облепили их крикливые чайки, издали похожие на пену прибора.

Прискакали радостно возбужденные зенитчики. И такое удовольствие было написано на их лицах, так счастливо блестели глаза, что капитан Шведов не выдержал и шутивно заметил:

– Вы словно масляные блины. С голоду вас можно проглотить.

– Лучше давайте сварим на костре уху с дымком! – предложил я.

– Это мысль! – воскликнул капитан, потирая руки. Со мной согласились и артиллеристы.

С моряками нас связывало многое. Как только мы начали охранять границу, был составлен и утвержден нашим и морским начальством план взаимодействия и соответствующие сигналы. Мы помогали друг другу строить дзоты, отрывать окопы, щели и траншеи, охранять границу.

«Граница на замке». Пожалуй, всем знакомо это крылатое выражение. А что оно означает? К чему обязывает?

Граница на замке – это постоянная бдительность бойцов, находящихся в пограничном наряде; это продуманное до мелочей инженерно-техническое оборудование; это, наконец, доведенная до автоматизма выучка людей, помноженная на мужество и отвагу.

Граница на замке. Тишина такая, что в ушах звенит. Но тишина эта обманчива, враг хитер, с той стороны нас настороженно «шупают» самые совершенные оптические приборы.

Как серьезно, по-государству иному, бойцы относились к охране границы! Как напряженно работал их ум!

Красноармейцы Бутов, Березко и Михайлов придумали безотказно действовавшую сигнализацию. Красноармеец Иванов предложил перекрыть вероятные подходы хитроумными ловушками. Сержант Сеницын смастерил наглядные пособия...

За отличные показатели в службе, боевой и политической подготовке осенью 1940 года заставу наградили переходящим Знаменем Ленинградского пограничного округа. Лучшим красноармейцам М. Бутову, П. А. Войтенко, П. С. Иванову, П. Т. Калашникову и И. С. Семину было присвоено только что введенное тогда воинское звание «ефрейтор».

В ноябре из штаба отряда запросили, куда я намерен поехать в отпуск. Нелегко было мне ответить на этот вопрос...

Родился я в августе 1917 года в деревне Петровке, Бирилюсского района, Красноярского края, в семье бедного крестьянина. Отец Петр Андреевич умер, когда мне не было и года. Мать, оставшаяся с восемью детьми, несмотря на ее старания, не могла прокормить, одеть и обуть такую семью. Старшие братья и сестры пошли батрачить к кулакам, а меня отдали бездетным супругам Якову Леонтьевичу и Олимпиаде Сергеевне Грибановым. Мое усыновление они держали от всех в большой тайне. Естественно, не знал об этом и я. И не узнал бы никогда, если бы не описка волостного писаря, который, как рассказывали люди, пил гораздо бойчее, чем водил пером. Оформляя мое усыновление, он изрядно напутал спьяну: отчество мне изменил, а фамилию оставил прежнюю. Когда настала пора призыва в Красную Армию и потребовались подлинные документы (до сих пор было достаточно выписок из подворной книги), я с изумлением узнал, что мои отец и мать, горячо любившие меня, оказывается, чужие мне люди...

Вскоре произошла встреча с родной матерью. Рано состарившаяся женщина с потрескавшимися мозолистыми руками прижала меня к себе и разрыдалась. А я не знал, что делать, как вести себя. Мать есть мать. Но встреча с нею, а потом с братьями и сестрами – Гавриилом, Алексеем, Февроньей, Анной, Варварой, Евдокией и Дарьей – не поколебала моей сыновней любви к приемным родителям. Я пронес ее через всю жизнь.

Яков Леонтьевич Грибанов прожил трудную жизнь. Он не умел ни писать, ни читать, но зато был прекрасным рассказчиком. Зимой к нам на огонек тянулись соседи. Соберутся, бывало, закурят самокрутки из ядреного самосада и просят:

– Расскажи, Яков Леонтьевич, как ты под началом Брусилова воевал.

Никогда не забуду я те зимние вечера. Именно тогда зародилась во мне тяга к армейской службе.

В 1929 году Яков Леонтьевич первым вступил в колхоз и начал работать в полеводческой бригаде. Он и раньше был песенник хоть куда, а тут во всю ширь развернулся. Какие концерты устраивал он в поле в обеденный перерыв или после окончания работы!

– Сколько мне сил колхоз прибавил! – от души говорил он, возвращаясь домой, и улыбался своей доброй лучистой улыбкой.

На меня приемный отец возлагал большие надежды.

– Мой сын должен быть самым ученым! – без тени улыбки говорил он и так же серьезно добавлял: – Вот как генерал Брусилов.

В Петровке была только начальная школа. Яков Леонтьевич и Олимпиада Сергеевна, как ни тяжело им было, по совету учительницы решили отправить меня в районный центр Бирилюссы, за пятьдесят километров.

Верно говорят, что мир тесен. Недавно я случайно узнал, что Ольга Ивановна Арбузова, моя первая учительница, уговорившая приемных родителей послать меня в школу-семилетку, и ее муж Александр Федорович Смельчаков живут в Костроме. Встреча с Ольгой Ивановной была для меня праздником. К тому времени она находилась на пенсии, нередко прихварывала. Я помог ей устроиться на лечение в московских клиниках, пожелал всего самого доброго, когда она, поправившись, уезжала к себе в Кострому...

В Бирилюсской семилетке я был ударником учебы. В дни каникул работал в колхозе и тоже добился звания ударника. В свободное время мы с Яковом Леонтьевичем ходили на охоту, за грибами, ягодами и кедровыми орехами. Несколько дней в тайге. Ночи у костра. Бесхитростные рассказы отца о службе в царской армии, о войне. Разве забудешь такое!..

Окончив семилетку, в 1935 году я поступил в Ачинское педагогическое училище. Скудной помощи Олимпиады Сергеевны (Яков Леонтьевич умер в 1934 году) и стипендии не хватало, я еле-еле сводил концы с концами, но не унывал.

Ачинское педагогическое училище – одна из кузниц учительских кадров Сибири. Годы прошли, а я хорошо помню директора – Исидора Антоновича Мейкшана, преподавателей – Анну Петровну Нестеренко, Михаила Ивановича Сизова, Ивана Павловича Астраханцева, Марию Яковлевну Субботину... Это они открыли перед нами, деревенскими парнями и девчатами, дорогу в большую жизнь...

* * *

Куда же ехать в отпуск?

Брат Гавриил, младший лейтенант, участник боев на Халхин-Голе, служил в те годы на Дальнем Востоке. Из последнего письма я знал, что у него гостила мать. И вот я решил вначале навестить их, а на обратном пути заехать к приемной матери и в Ачинск, где вместе с родителями жила Мария Козырева, девушка, с которой я дружил все годы, проведенные в училище, а когда уехал в Саратов – переписывался...

На заставу я вернулся вдвоем с ней, теперь уже Марией Ануфриевной Козловой. В Ачинске мы зарегистрировали свой брак, сыграли свадьбу, собрались в дорогу – все за одни сутки – и только в поезде, когда спало напряжение, почувствовали такую усталость, что заснули как убитые...

О нашем приезде на заставу первыми узнали зенитчики. Ряцков, Хромов и Чирков пришли с поздравлениями.

– Обошел ты нас, Андрей, – шутливо насупившись, сказал Хромов. Женился и даже на свадьбу не пригласил.

– Не все потеряно, друзья мои! – ответил я. – Остались считанные дни до Нового года. Вы женитесь, сыграем ваши свадьбы, заодно и мою продублируем. А сейчас давайте пить чай...

Политрук Орешков и старшина Горбанюк тоже возвратились из отпусков с молодыми женами. Лейтенант Мелехин приехал один.

– Не встретил я еще свое счастье, – с легкой грустью сказал он нам. Теперь до следующего отпуска...

Наши жены сразу же активно включились в жизнь заставы. Начали они с того, что советами и личным участием помогли повару. Пограничники сразу заметили, что пища стала вкуснее и разнообразнее.

– Хорошо начали, красавицы! – похвалил молодых женщин старший политрук Ковалев. – Но ведь вы способны на большее: у каждой из вас среднее образование, каждая из вас имеет по три-четыре оборонных значка.

Что вы можете сделать? Научить пограничников оказывать первую помощь. Раз. Включиться в подготовку к отрядным спортивным соревнованиям. Два. Создать на заставе отличный самодеятельный коллектив. Три. Заниматься с бойцами, не имеющими достаточного образования. Четыре. Видите, сколько дел? Успевайте поворачиваться. Главное же ваше назначение – создать дружную семью, помочь мужьям в их нелегкой службе. Жизнь на заставе, да еще на островной, – не мед, особенно для вчерашних горожанок. Нет здесь ни театров, ни танцевальных площадок, ни магазинов. Кино и то редкость. Но не хныкать же по этому поводу. Суметь духовно богато жить и в такой глухомани – вот ваша задача! В городе, я уверен, вы старались показать себя в выгодном свете. Не отказывайтесь от этого и здесь. Одевайтесь кра-

сиво, со вкусом. Для кого стараться? Для мужей! Для всех пограничников! Уже одним своим появлением на острове вы подтянули ребят. Посмотрите, что ни боец – то рыцарь!..

Вместе со всем личным составом заставы наши жены внесли посильный вклад в охрану границы. Вместе с нами они встретили и войну. Но об этом рассказ впереди.

* * *

Читателю уже известно, что в силу сложившихся обстоятельств многие из моих подчиненных находились на действительной военной службе по пять и более лет. Им было нелегко. Каждый из них стосковался по дому, по родным и близким, любимым девушкам, по мирному труду. Пограничная служба трудная. Служба на островной заставе, когда вокруг тебя только вода, – еще труднее.

Наш участок был и не тихим, и не боевым. Финский залив – преграда серьезная, преодолеть ее на надводных средствах и не попасть в поле зрения пограничников было не так-то просто.

Летом мы все внимание обращали на то, чтобы не допустить нарушения границы под водой (способов для этого, как известно, немало). Наряды пристально всматривались во все, что качал на своих волнах Финский залив. Ведь под плывущей бочкой или бревном мог оказаться и водолаз-диверсант, и перископ подводной лодки. Особые задачи возлагались на катер КМ-1. Пограничники не менее внимательно разглядывали все, что волны выбрасывали на берег: обломки деревянных частей судов, весел, предметы одежды и обуви...

Наблюдение за линией границы значительно усложнялось зимой, особенно тогда, когда по несколько дней подряд свирепствовала пурга, то и дело заносившая дозорную тропу, проложенную лыжниками. В такое время заснеженную гладь залива можно было легко преодолеть на буерах, чем финны не раз пользовались. В зимние месяцы задержаний нарушителей было гораздо больше, чем в летние.

Могут спросить, как командование ладило с людьми, которым давно все приелось? Были ли в связи с этим на заставе нарушения воинской дисциплины?

Спору нет, мне и моим заместителям было нелегко. Но держать границу на крепком замке, соблюдать железную дисциплину, добиваться высоких показателей в боевой и политической подготовке нам помогало то обстоятельство, что все трое мы окончили военные училища, хорошо знали пограничную службу, метко стреляли из всех видов оружия, умело владели штыком и прикладом, могли показать на спортивных снарядах любое упражнение. Нашей надежной опорой были коммунисты и, конечно, младшие командиры. Во главу угла нами были поставлены неукоснительная, бескомпромиссная требовательность и постоянная забота о подчиненных.

За полтора года на заставе не было допущено ни одного нарушения уставов. По итогам социалистического соревнования нам два раза подряд присуждалось переходящее Знамя округа.

Иногда старослужащие допускали вольности, упражнялись, так сказать, в остроумии. Помнится, недалеко от заставы ефрейтор (не буду называть его фамилию) проводил стрелковый тренаж. Находясь в канцелярии, я сквозь открытое окно услышал такую его «команду»:

– Лежа, пятый год одно и то же, заряжай!

Пограничники засмеялись и заклацали затворами.

После стрелкового тренажа я вызвал ефрейтора к себе. Он густо покраснел, когда понял, что начальник слышал его импровизацию.

– Больше это не повторится, товарищ лейтенант! – заверил меня пограничник. – Я хотел внести какое-то разнообразие в тренировку. Теперь понял, что пошутил неудачно...

Надо было видеть, как подтягивались эти же красноармейцы, когда, получив инструктаж возле ящика с песком – рельефной карты острова, слушали боевой приказ о заступлении в наряд по охране Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик!

На заставе были высоки дух соревнования и гордость за присуждение переходящего Знамени. Пограничники, выезжавшие по различным делам в комендатуру, отряд, на другие заставы, после возвращения докладывали мне, что везде их дотошно расспрашивали о порядках на заставе, о командирах. Всем хотелось знать, что представляет собой краснознаменное подразделение!

Было особое отношение к поощрениям. Благодарность командира отделения перед строем являлась целым событием в военной биографии пограничника. Он гордился этой благодарностью, делился своей радостью с родными, с любимой девушкой, с товарищами, оставшимися на гражданке.

Очень ценились в те годы знаки воинской и спортивной доблести: «Отличник РККА», «Снайпер РККА», «Ворошиловский стрелок», «За отличную стрельбу», ГТО, ПВХО, ГСО. Завоевать их в упорной борьбе, в соревновании с другими было мечтой каждого воина. С какой завистью смотрели на людей, имевших эти отличия! Об орденах и говорить не приходится. Капитан М. С. Малый, бывая на заставе, всегда находился в окружении пограничников, которые не могли отвести взгляда от сверкавшего на его груди ордена Ленина. В их глазах Меркурий Семенович был человеком необыкновенным. Они подражали ему, перенимали его походку, старались говорить так, как он, щеголяли его пословицами и поговорками.

Нельзя забывать и о том, что пограничники тридцатых – начала сороковых годов были свидетелями того, как в стране выросли металлургические гиганты и города, тайгу и бесплодную пустыню прорезали железные дороги... Каждый из нас заражался пафосом созидания, героизмом энтузиастов первых пятилеток.

И, наконец, еще одна, на мой взгляд, немаловажная деталь – романтика службы (я не боюсь этого термина!). Чувство границы – особое чувство. Кажется, какая разница? Один охраняет полковой или гарнизонный склад, важный промышленный или железнодорожный объект, другой – границу. И тут, и там воин выполняет боевую задачу; и тут, и там он – лицо неприкосновенное, в руках у него заряженное боевыми патронами оружие, которое может быть применено в любую минуту; и тут, и там он должен сохранить все, что доверено ему.

Разница, по-моему, в том, что пограничник стоит как бы на водоразделе двух миров, откуда ему далеко видно. Часовому на промышленном объекте в случае необходимости тотчас придут на помощь товарищи, рабочие. Пограничнику сплошь и рядом приходится рассчитывать только на свои силы, потому что нарушение может произойти далеко от заставы – и когда-то подоспеют на помощь сослуживцы!

Стоя на границе, боец или командир как бы слышит за спиной дыхание Родины: гул фабрик и заводов, шум нив и лесов, голоса людей... Он, как никто другой, понимает, что именно ему доверено сохранить это дыхание таким же могучим и равномерным, именно от него зависит, будут ли бродить по аллеям парков влюбленные, плескаться в реке неугомонные мальчишки... Все это делает каждого воина сильнее, собраннее, рождает у него обостренное чувство бдительности, зоркости, ответственности за судьбу Родины, наконец. Я сказал бы, что у пограничника более высокий душевный настрой, нежели у любого другого воина.

* * *

Летом и осенью 1940 года, пожалуй, не было ни одного случая нарушения границы со стороны Финляндии, о котором следовало бы рассказать. Мелкие недоразумения – не в счет. А вот зимой, будто по команде (да так оно и было!), начались самые настоящие провокации.

Помнится, был холодный день, когда мы увидели большую группу финских юношей и девушек в ярких свитерах. На санках-креслах с длинными металлическими полозьями они носились взад и вперед по льду залива у самой линии границы перед заставой.

Заслоняясь руками от резкого ветра, я следил за катающимися. Что им надо? Неспросита же они появились здесь, вдали от родных берегов, да еще в такую погоду. Не из-за любви

к спорту катаются, что называется, на лезвии ножа! Эта вылазка, бесспорно санкционирована финскими пограничниками!

Ветер свистел в вершинах елей, как в снастях корабля. И вдруг я увидел, как парни, широко размахиваясь, стали бросать что-то. По льду озера в нашу сторону понесло разноцветные листки бумаги. Катающиеся погрозили нам кулаками, потом повернулись, девушки сели в санки-кресла, и молодые люди помчали их. Вскоре они скрылись из виду.

Шюцкоровские выкормыши!

Ветер занес листовки на остров. Реваншистское содержание бумажонок укрепило мое подозрение. Листовки мы собрали, и я вместе с донесением отправил их коменданту.

Вскоре после этого случая двое финнов нарушили границу на правом фланге заставы. Рыжие здоровенные парни, легко, но тепло одетые, видимо для смелости хлебнувшие из фляжек, висевших у них на поясах, вели себя вызывающе. Пока я готовил соответствующие бумаги, чтобы отправить нарушителей границы по назначению, те, злобно поглядывая вокруг, ругались (оба говорили по-русски), грозили реваншем за поражение в недавнем военном конфликте.

Вдруг, словно по команде, они умолкли и один из задержанных сказал:

– Мы нарушили границу случайно, заблудились. Отпустите нас.

– Между нашими берегами – лед Финского залива, а не леса без конца и края, – ответил я. – Как же это вы ухитрились пойти не в ту сторону?

Поняв, что маневр не удался, финны снова начали поносить нас, грозить.

* * *

Весной 1941 года обстановка на границе стала тревожной. Вернувшиеся из дозора наряды докладывали, что в финские бухты входят торпедные катера, тральщики, эскадренные миноносцы, транспортные суда.

Чьи они? Зачем приходят и какой груз доставляют? Догадаться было нетрудно. Фашистская Германия, оккупировав почти всю Европу, усиленно вооружала маннергеймовцев, которые начали вести себя весьма нагло. Не раз приходилось нам выдвигать их катера, нарушившие границу.

Как-то финское пограничное судно вошло в наши воды. На своей «каэмке» мы тотчас помчались навстречу. Сигнальщик просемафорил приказ повернуть назад, но судно-нарушитель не обратило на сигнал никакого внимания. Мы попросили, чтобы финский офицер или старший команды подошел к борту для переговоров, но с катера ответили грубой бранью.

Это была одна из тех критических ситуаций, когда надо было найти единственно правильное решение. Приказываю приготовиться к открытию огня и идти прямо на судно. Такой оборот дела особенно пришелся по душе рулевому. Перекладывая руль, он не сдержал радостной улыбки. Приник к прицелу пулеметчик.

Нас разделяли считанные метры, когда судно-нарушитель круто развернулось, зарывшись в пенистый бурун. Зажглись на солнце и погасли иллюминаторы.

– Это недоразумение, не больше! – уже чуть испуганно крикнул в мегафон финский офицер.

Подполковник П. М. Никитюк поблагодарил нас за решительные действия, за то, что сумели ликвидировать конфликт без применения оружия.

С каждым днем активизировалась деятельность неприятельской агентуры, участились случаи задержания нарушителей государственной границы.

Как-то в начале мая мы с ефрейтором Войтенко возвращались с границы. Неожиданно налетел ураган. Ветер с силой пригибал деревья, веером расстилал по земле кустарники, бросал в глаза пригоршни песка. Пошел дождь. Потоки воды низвергались сверху, с боков – отовсюду.

– Душ Шарко, товарищ лейтенант! – пересиливая ветер, крикнул Войтенко.

На заставу мы прибежали совершенно мокрые. Несколько минут в окно настойчиво барабанили крупные капли. Наконец дождь перестал. Утих ветер. Умчалась туча. Снова засияло солнце. И тут заработала наша сигнализация, авторами которой, как я уже писал, были пограничники Бутов, Березко и Михайлов.

– На левом фланге нарушение границы. Нарушитель задержан. Наряд вызывает начальника! – перевел дежурный полученные сигналы.

На заставе я оставался один: Меле хина с группой пограничников срочно вызвали в отряд, Орешкова – в комендатуру. Хотя и был я мокрый с ног до головы, в одну минуту оседлал коня и вместе с сержантом Алексеем Прокофьевичем Сеницыным и коноводом Михайловым поскакал на левый фланг заставы.

...Наряд в составе ефрейторов Семина и Бутова вел наблюдение за линией границы. Внимание Семина привлек нейтральный островок, у берега которого обильно рос камыш. Было тихо, ни одного дуновения ветерка. Неожиданно зеленая стена заколыхалась, словно кто-то осторожно раздвинул заросли. Человек или утка? Ефрейтор вглядывался с помощью бинокля, но ни одна камышинка больше не дрогнула.

Может, померещилось?

Своими подозрениями Семин поделился с Бутовым. Тот тоже взял бинокль, долго вглядывался в очертания острова, но ничего не заметил. Так прошло более часа. Когда разразился ураган и отпала надобность наблюдать, как ведет себя камыш, пограничники облачились в плащи с капюшонами и дали возможность немного отдохнуть глазам.

С финской стороны послышался шум моторов: два катера шли в кильватер. Вот они скрылись из виду, но вскоре снова появились.

– Не зря вьются коршуны! – вспомнил Семин любимую поговорку коменданта участка.

Из-за острова, час назад привлечшего внимание наряда, показалась весельная лодка. В ней находились двое: один сидел на веслах, другой на руле. И опять вернулись, словно связанные друг с другом, катера.

– Вот кто нарушил покой камышей! – сказал Семин своему напарнику, кивнув на лодку. – В нейтральные воды эта посудина зашла, видимо, ночью.

– Лодка пересекла линию границы! – объявил Бутов.

Старший наряда выпустил серию красных ракет. Но лодка продолжала приближаться к нашему берегу...

Пограничники задержали нарушителей – мужчину и женщину. Те что-то с жаром говорили по-фински, но ни Семин, ни Бутов не знали чужого языка.

– Отпустите людей! – донеслось с финского катера через усилитель. Разве не видите, что они попали в беду? Ураган унес весла...

Только теперь пограничники обратили внимание на то, что весел в лодке действительно нет.

– Но несколько минут назад я своими глазами видел весла! – сказал напарнику Семин.

– Я тоже видел весла! – подтвердил Бутов и уточнил: – Белые с красными лопастями. Они их выбросили!..

Молодчики, находившиеся на катерах, продолжали бесноваться и тогда, когда я с сержантом и красноармейцем прибыл для разбора происшествия. Оценив обстановку, принимаю решение усилить охрану не только на участке, где произошло нарушение, а и на всей линии границы, за которую отвечала застава. Вызываю нашу «каэмку».

От беспардонной ругани финны перешли к антисоветской пропаганде, а потом попытались воздействовать на наши «сыновьи чувства», как выразился их «агитатор», по всей вероятности бывший русский белогвардеец. Они сообщили, что задержанные нами «бедные рыбаки» обременены престарелыми родителями и кучей детей, которые теперь будут вынуждены соби-

рать подавание не только для того, чтобы не умереть с голоду, но и чтобы заплатить за лодку и снасти, которые хозяин дал их отцу...

Финские пограничники или те, кто стоял за их спиной, явно переусердствовали, сообщив такие подробности о нарушителях. Ведь по финским законам «бедные рыбаки» не имели права промыслять в запретной зоне. А если бы они и отважились, то наверняка не стали бы рассказывать пограничникам свою биографию.

При осмотре на лодке были обнаружены портативные радиопередатчик и фотоаппарат, ампулы с какими-то жидкостями и порошками. Рыба оказалась несвежей, видимо прихваченной с берега, что еще больше подтвердило, кем на самом деле были «бедные рыбаки».

Стемнело, когда я, оформив соответствующие документы, отправил нарушителей границы вместе с вещественными доказательствами в комендатуру. Они так и не произнесли ни одного слова на русском языке, хотя все мы были твердо уверены, что отлично знали его, так как внимательно прислушивались к нашим разговорам и многозначительно переглядывались, услышав что-то для себя интересное.

Ночь показала, что «бедные рыбаки» лишь разыгрывали комедию. Надеюсь на то, что мы все внимание обратим теперь на левый фланг, финны решили перебросить своего квалифицированного разведчика в наш тыл на правом фланге, в стыке двух застав. Не удалось!

Наряды, проинструктированные мною лично, особенно бдительно несли службу в ту ночь. Ефрейторы Войтенко, Калашников и красноармеец Иванов, услышав тихие всплески, поняли, что в темноте к берегу осторожно подкрадывается нарушитель. Они позволили ему затопить надувную лодку, выбраться на берег, углубиться на нашу территорию и только тогда задержали его.

Вернулся лейтенант Мелехин с бойцами. Они входили в одну из разведывательно-поисковых групп, которым начальник отряда приказал обезвредить матерых лазутчиков, заброшенных в наш тыл. Алексей Дмитриевич Мелехин был прекрасным следопытом, смелым и выносливым. Под стать ему подобрались и бойцы. Они долго, но зная устали, шли по следу искусно петлявших по нашей земле диверсантов. В одном месте пограничники подобрали обрывки бумаги, клочок газеты, в другом – остатки еды. Все это было явно заграничного происхождения. Обнаруженные предметы помогли разыскать непрошенных гостей.

Жизнь на заставе становилась все более напряженной. Выходные дни стали роскошью. Мелехин, Орешков и я частенько ночевали в казарме. Почти не проходило ночи без учебной тревоги. Стало правилом, когда бойцы, возвратившись с границы, отдыхали не раздеваясь. Дежурный держал пирамиды с оружием открытыми. Старшина так разместил свое хозяйство в каптерке, чтобы все было под рукой.

Однажды майской ночью мы подняли пограничников по тревоге и вывели на стрельбище, где заранее были расставлены разнообразные мишени. Было еще сравнительно темно, и я разрешил курить. Все полезли в карманы за куревом. И тут один из пограничников спохватился, что потерял кисет с махоркой.

– Куда же он мог подеваться? – поинтересовался Орешков.

– Видимо, в казарме обронил, товарищ политрук, – с горечью ответил боец. – Свет в этот раз был выключен.

Орешков достал портсигар.

– Закуривайте. Мы ведь с вами товарищи по несчастью.

Все удивленно притихли. А политрук продолжал:

– У нас в училище так же вот, как и на заставе, тревоги часто объявляли. Курсанты роптали. В нормативы мы укладывались, казалось, чего еще надо? Но начальник училища все усложнял обстановку.

Однажды сигнал тревоги прозвучал в сплошной темноте – свет, как и у нас сегодня, везде был выключен. Бросился я к стулу, на котором лежало аккуратно сложенное с вечера обмун-

дирование, и обомлел – брюки исчезли. Раздумывать некогда: навернул портянки на кальсоны, надел сапоги, гимнастерку, шинель, туго затянул ремень, шлем на голову, винтовку в руки и – в строй.

Вспыхнул свет. Мы стоим все, как огурчики: подтянутые, окончательно проснувшиеся. Начальник прошел вдоль строя, полюбовался нами, похвалил: «Молодцы!» Ну, думаю, пронесло. Не знал я, что с тыла, не отставая ни на шаг от начальника, шел старшина. Он-то и заметил. Как выстрел прозвучала команда:

– Курсант Орешков, выйдите из строя!

Вышел, повернулся лицом к своим товарищам.

– Поднять полы шинели!

Хохот поднялся страшный. Все, кто слушал политрука, и сейчас смеялись дружно и долго. Орешков выждал, когда ребята успокоятся.

– Но это не самое страшное, – продолжал он. – Худшее началось потом. Построит, бывало, нас старшина, скажем, на обед, подравняет, подаст команду «Смирно!» и вдруг спросит:

– Курсант Орешков, брюки не забыли?

– Нет, товарищ старшина, не забыл.

И только тогда скомандует строго:

– Шагом марш!..

И снова, еще громче захохотали пограничники.

– А куда же все-таки брюки-то подевались? – спросил старшина Горбанюк.

– В темноте их кто-то нечаянно сбросил со стула, они оказались под койкой.

Не знаю, был ли на самом деле такой случай в курсантской биографии Орешкова. Я склонялся к тому, что политрук его придумал, чтобы поднять настроение бойцов.

Когда стало более или менее светло, я разрешил открыть огонь. Мелехин быстро распределил стрелков и пулеметчиков по заранее составленному плану. Захлопали выстрелы. Никогда так метко не стреляли бойцы, как в то утро.

А днем Орешков отвел меня в сторонку, усадил:

– Ты, Андрей, не думаешь вступать в партию? Сложное время мы переживаем. Сейчас тебе, как никогда, нужна поддержка партии.

– Давно думаю, Иван, – ответил я, – но все решиться не могу. Достоин ли я? Примут ли?

– Это ты брось. Чего скромничать? Разве ты мало сделал для того, чтобы застава стала лучшей в округе?..

Вскоре состоялось партийное собрание. Меня единогласно приняли кандидатом в члены партии.

В политотделе округа, где мне пришлось побывать в связи с получением кандидатской карточки, меня предупредили, чтобы застава находилась в постоянной боевой готовности – могут быть любые неожиданности.

В воздухе пахло грозой...

Лицом к лицу с врагом

На утро 22 июня были назначены спортивные соревнования между 1-й и 3-й заставами. Местом встречи избрали наш остров. Чтобы не ударить в грязь лицом, старшина Горбанюк до седьмого пота тренировал спортсменов, которые должны были отстаивать честь заставы. Одновременно он организовал генеральную уборку. Уже к полудню в субботу стараниями свободных от службы пограничников все помещения сверкали чистотой. Спортивная площадка и вся территория поселка бы ли подметены и посыпаны песком.

Кроме правого соседа, начальника 1-й заставы лейтенанта Владимира Григорьевича Девярых, обещали быть Николай Иванович и Анна Мироновна Антипины с 4-й заставы, Шведов и Чирков с женами, Ряцков, Хромов. Наши женщины готовились блеснуть гостеприимством и кулинарным искусством. Собравшись вместе, они прикидывали свои возможности, обсуждали варианты меню, договаривались, кто что будет готовить.

С лейтенантом Девярых, окончившим Харьковское пограничное военное училище, я впервые встретился полгода назад в поселке Ремпетти, где тогда проходили лыжные соревнования. Познакомились и наши жены, тоже участвовавшие в состязаниях. Владимир Григорьевич Девярых был из тех людей, к которым тянешься сразу, с первой, пусть совсем коротенькой, встречи. Его широкое доброе лицо то и дело озаряла, будто изнутри подсвечивала, обаятельная улыбка. Выше среднего роста, плотный, мускулистый, он обладал такой силой, что мог, пожалуй, разогнуть подкову. И в то же время Девярых был до крайности скромнен. Когда, заняв первое место в лыжных соревнованиях, он поднялся на пьедестал почета – немудрящую трибунку, наспех сколоченную физруком отряда, застеснялся, как девица.

В разгар приятной суматохи на Пий-Саари прибыл посыльный и вручил мне пакет.

– Орешков, Горбанюк! – позвал я, направляясь в канцелярию.

Пакет был от коменданта. Капитан М. С. Малый приказывал никому не отлучаться с острова, усилить наряды, не сводить глаз с сопредельного берега, еще раз проверить, в каком состоянии находятся дзоты, окопы, щели и траншеи, катер держать в полной боевой готовности.

– Вот тебе и соревнования! – в сердцах сказал Орешков.

Я понимал политука: вместе со старшиной он затратил немало усилий, с нетерпением ждал воскресенья, уверенный в победе своей команды. И вот все летит вверх тормашками.

– Не горюй, Иван Никитович, – ободрил я Орешкова. – Эка, дело какое соревнования переносятся. К следующему воскресенью еще лучше подготовимся. А служба есть служба.

Ни Девярых, ни Антипина я предупреждать не стал – был уверен, что каждый из них получил аналогичный приказ. Моряков же счел нужным известить, послал к ним старшину Горбанюка.

Никто из нас не знал, не догадывался даже, что через несколько часов разразится война, самая кровопролитная из всех войн, когда-либо бушевавших на нашей планете.

– Как на той стороне? – спросил я дежурного.

– Ничего подозрительного.

Пограничники заняли свои места согласно боевому расчету. Орешкова я направил на правый фланг заставы. Горбанюка – на левый, сам остался в центре. Расположился между двух гранитных обломков, прикрытых кустами. Отсюда я видел все, сам же оставался невидимым.

Проходил час за часом. Ушло за горизонт солнце, умчался куда-то ветер, весь день путавшийся в кронах деревьев. Вот и ночь опустилась на остров, тихая и теплая. Она почти не отличалась от дня – ленинградская белая ночь, самая короткая в году. Ни малейшего шороха

вокруг. Только у берегов плескалась вода, да какие-то птицы проносились над головой, пугая свистом крыльев.

Проверяя наряды, я в условленное время встретился вначале с Орешковым, затем – с Горбанюком. Ни тот, ни другой не заметили и не услышали ничего необычного. Ни один звук не доносился с сопредельного берега.

Я еще раз обошел участок границы в центре, присел на выступ гранита, хранившего дневное тепло, и прильнул к окулярам стереотрубы.

По краю бирюзой светлело небо, меркли звезды. Предутренным туманом дымился у берега Финский залив. Безмолвен стоял лес. Лишь высокие сосны важно, словно снисходительно, чуть приметно качали, вершинами. Травинки, унизанные тяжелыми бусинками росы, клонились к земле.

«Ну вот и все! – с облегчением подумал я. – Напрасно комендант беспокоился».

И как раз в эту минуту послышался незнакомый басовитый звук, густой и низкий, с противным, хватающим за душу подвыванием. Я поднял голову и оцепенел – на Ленинград мощным строем шли самолеты с черными крестами на крыльях. Неожиданно один из замыкавших армаду самолетов оторвался от строя и спикировал на остров. Со зловещим свистом одна за другой посыпались бомбы, похожие снизу на тяжелые капли нефти, и взорвались где-то в лесу. Потом самолет снова занял свое место в строю.

Зенитная батарея старшего лейтенанта Ряцкого открыла огонь.

«Может, это провокация?» – подумал я.

Когда по поручению Советского правительства по радио выступил В. М. Молотов, сомнения разом отпали. Война!

Да, прав был комиссар, вспомнил я первую беседу с А. А. Пьянковым в штабе отряда в марте 1940 года, война оказалась не за горами!

22 июня вражеские самолеты то и дело бомбили нага остров. Каждый раз их встречали моряки-зенитчики. Плотный ружейно-пулеметный огонь открывали и мы. Летчики беспорядочно сбрасывали свой смертоносный груз, не причиняя нам никакого вреда. Бойцы и командиры действовали спокойно, уверенно, без паники. Наблюдение за линией границы не прекращалось ни на минуту.

Вот когда особенно пригодилась построенная природой пограничная вышка, на которую в первый день нашего пребывания на острове обратил внимание политрук Орешков. На елях мы устроили наблюдательный пункт. На площадке из тесаных плах круглосуточно находился пограничник с телефонным аппаратом, связанным с дежурным по заставе.

Разительные перемены произошли на вражеском берегу. Сумрачные и тихие бухты вдруг расцвели флагами множества судов. В воздухе непрерывно гудели самолеты. Они, как коршуны, набрасывались на наши корабли, бомбили и обстреливали их.

– Товарищ лейтенант, – обратился ко мне Горбанюк, – а что, если еще десяток-другой окопов отрыть, укрепить брустверы камнями, что-то вроде амбразур сделать? Если придется оборонять остров, окопы во как пригодятся! и старшина провел ребром ладони по горлу.

– Запас мешку не в тягость! – поддержал я Горбанюка. – Давай схему, подумаем, где в случае надобности окопы особенно пригодятся...

Отрывать окопы и заготавливать камень вызвались наши жены. Они оказали нам тогда большую помощь.

В первые дни войны началось формирование 1-й и 21-й стрелковых дивизий НКВД. В новые части и подразделения убыли военный комиссар отряда батальонный комиссар А. А. Пьянков, почти все командование 1-й комендатуры: капитан М. С. Малый, начальник штаба капитан В. А. Оралов, его помощник старший лейтенант Мухин. Остался лишь старший политрук Н. И. Ковалев. После того как началась война, мне уже не удалось с ним встретиться, но из рассказов пограничников мне известно, что Николай Иванович стойко выдержал

все испытания тех тяжелых дней. Он героически сражался с врагом, воодушевлял подчиненных личным примером, не раз проявлял мужество и отвагу. В одном из боев Н. И. Ковалев был тяжело ранен и эвакуирован в тыл.

С нашей заставы были откомандированы ефрейторы И. С. Семин, П. Т. Калашников, П. С. Иванов, П. А. Войтенко и сержант А. П. Сеницын.

«Самых лучших взяли! – погоревал я тогда. – Трудно будет без них охранять границу. А тут еще заместителя по строевой нет...»

В первых числах июня, получив новое назначение, распрощался с заставой лейтенант Мелехин.

– Андрей, ты веришь в предчувствия? – спросил он меня перед отъездом.

– Нет.

– Я тоже не верю, – вздохнул Алексей Дмитриевич, – а внутренний голос твердит свое. Вот-вот собрался в отпуск поехать, но, думается, не скоро теперь получу его. И с тобой не скоро увижусь.

– Привык ты, Алексей, к людям, к службе, к здешним местам, – ответил я, обняв друга. – Жаль тебе со всем этим расставаться, поэтому и лезут в голову всякие дурные мысли. Гони их!..

Мелехин оказался прав: отпуск он получил только после войны, а встретились мы с ним через тридцать лет, причем самым неожиданным образом.

...В Академии Генерального штаба мне посчастливилось учиться со многими ныне широко известными военачальниками. Генералы В. Г. Куликов, И. Н. Третьяк, А. М. Амбарян, А. И. Казьмин, Н. В. Огарков и другие были подготовлены во много раз лучше нас, молодых командиров. Особыми способностями быстро понять и оценить оперативную обстановку, какой бы сложной она ни была, сделать из нее единственно правильные выводы и поставить конкретную задачу войскам обладал Виктор Георгиевич Куликов, человек талантливый и удивительно простой. Своими знаниями он охотно делился со всеми слушателями. Я не помню случая, чтобы он отмахнулся от наших просьб, не помог разобраться в каком-нибудь запутанном вопросе.

После учебы все мы тепло распрощались друг с другом и разъехались в разные стороны. Только бережно хранимые фотографии да редкие газетные материалы и сообщения по радио напоминали мне о тех, с кем я когда-то учился.

И вот в один из перерывов между заседаниями XXIII съезда КПССЗ, я повстречался с генерал-лейтенантом В. Г. Куликовым (ныне генерал армии, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР). Несмотря на то что генерал занимал высокий пост, он остался таким же простым, общительным и веселым, каким был во время учебы в академии. О чем мы тогда только не переговорили, чего не вспомнили!

И вот во время этой беседы я услышал за спиной забытый, но до боли знакомый тихий голос:

– Товарищ лейтенант, наряд для охраны Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик построен. Докладывает лейтенант Мелехин!

Галлюцинация, что ли? Обернулся – в самом деле он – Алексей Дмитриевич Мелехин, бывший мой заместитель. Генерал-лейтенант (ныне генерал-полковник). Вся грудь в орденах. Мы крепко обнялись. Забросали друг друга вопросами...

* * *

Вскоре из командиров на заставе я остался один. Были откомандированы политрук И. Н. Орешков и старшина П. Горбанюк.

После войны, когда я уже учился в академии имени М. В. Фрунзе, в Москве мне посчастливилось встретить майора И. Н. Орешкова. Огневые годы не прошли для него даром – здоровье было подорвано.

– Решил демобилизоваться, – сообщил мне Иван Никитович. – Поработаю в народном хозяйстве – там тоже люди нужны.

Облачко грусти вдруг наплыло на его лицо. Но вот Орешков прищурился, улыбнулся одними глазами и начал рассказывать:

– Случай один вспомнил. . . На второй или на третий день после прибытия на учебу собрались мы, курсанты, во дворе. Курим. Мечтаем. Подначиваем друг друга. Смех. Гам. Известно – молодость.

Подошел старшина училища, посмотрел на нас, как мне показалось, недовольно и спросил: «Кто на экскурсию хочет?» Согласились все, даже не спросив, куда идти. «В одну шеренгу, становись!» И никто тогда внимания не обратил, что не ходят на экскурсию в таком строю. Ну ладно, встали. Старшина говорит: «Пойдем сейчас через двор – вон до той стены. Приказываю собирать в жменю (старшина был украинцем) недокурки, спички, клочки бумаги – всякий мусор, что увидите перед собой». Повесили мы носы, а что поделаешь? Пошли. Старшина взял урну и следом за нами. «Сдавайте, кто что собрал!» Сдали. Особенно старательных старшина похвалил. «Теперь таким же порядком пойдем обратно, – пряча в усах улыбку, объявил старшина, – подберем все, что пропустили». Пошли обратно. Чисто стало во дворе. Старшина расправил под ремнем складки гимнастерки и предупредил: «Если и впредь станете курить там, где не положено, налево и направо разбрасывать недокурки и спички, каждый день буду на такую экскурсию водить!..»

Вместе с Орешковым я от души рассмеялся, представив себе строгого усатого старшину с урной в руках и курсантов, бредущих по двору с вытянутой левой рукой, полной окурков и спичек.

– Говорят, старшина обосновался на жительство в Курской области, сказал Орешков, – поеду к нему.

* * *

В конце июня поступил приказ эвакуировать семьи командного состава и сверхсрочнослужащих. В те дни я стал свидетелем душевной красоты жен пограничников, их высокого патриотизма и сознания своего долга перед Родиной. Как сейчас помню, ко мне пришла жена старшины Горбанюка Надежда Ивановна и со слезами на глазах попросила не отправлять ее в тыл.

– Любые испытания вынесу, – сказала она, – любой ваш приказ исполню, только оставьте на острове.

Мне известно, что с такими же просьбами обращались женщины на других заставах, в комендатурах и в отряде. Некоторые из них были зачислены медицинскими сестрами и с честью оправдали оказанное им доверие.

Не хотела уезжать и моя жена. Но ее пришлось эвакуировать. В числе других семей пограничников она под бомбежкой с трудом добралась до Ленинграда, а оттуда уехала к родителям в Ачинск.

В один из дней на заставу прибыло пополнение из 2-й пограничной комендатуры старшего лейтенанта И. Д. Дидоренко. Бойцы оборудовали новые позиции, строили доты, блиндажи, совершенствовали траншеи и ходы сообщения. Работали круглые сутки.

Оченьгодились окопы, отрытые пограничниками заставы и нашими женами по предложению старшины Горбанюка. Они точно вписались в линию обороны. Каменные брустверы с амбразурами делали их похожими на маленькие крепости.

После интенсивных воздушных налетов внезапно наступила тишина. Лишь разведчики постоянно висели в воздухе.

«Видно, фашистам всыпали по первое число, – радовался я. – Присмирели, гады!»

Но радость была преждевременной. В конце июня, пользуясь превосходством в живой силе, танках и самолетах, противник перешел на Карельском перешейке в наступление.

* * *

Поздно вечером посыльный вручил мне очередной пакет от коменданта. Предельно краткий приказ ошеломил меня. В нем было написано:

«Участок государственной границы передать под охрану старшему лейтенанту Ряцкову. Личному составу заставы сосредоточиться в поселке Ремпетти».

Я долго ходил взад и вперед по канцелярии, стараясь не только разумом, но и сердцем понять смысл приказа.

Напряжение последних тревожных дней давало о себе знать. Шатаясь от усталости, я прилег на жесткую койку, но сон не шел. Заложив руки за голову, немигающими глазами уставился в смутно белевший в темноте потолок. На душе было тоскливо и пусто.

Что произошла? Почему моряки должны выступать в несвойственной для них роли? Какая судьба уготована для нас, пограничников?

В специальном отделении сейфа на заставе хранился плотный пакет с пятью сургучными печатями. Его можно было вскрыть только с разрешения начальника отряда и только в случае военного нападения на нашу страну. В свое время я его вскрыл. Плана отхода среди находившихся в пакете документов не было. Да и кто отважился бы его составлять! Границу надо было защищать до последнего вздоха. Это само собой разумелось.

«А может быть, такой план и пригодился бы? – точил червь сомнения. Что завтра взять с собой, что оставить? Ведь все, что находится на острове, скрупулезно переписано интендантами и числится за мною. Моряки замечательные люди. Но будут ли они беречь имущество так, как берегли его мы с Горбанюком, как берегли все пограничники? Будут ли они поддерживать такой же порядок? Без хозяина и дом сирота. Вернешься к разбитому корыту, что тогда?»

В ту ночь у меня и в мыслях не было, что с острова Пий-Саари я ухожу навсегда.

Беспокойно ворочаясь, я все думал и думал. И когда тревожный сон только-только смежил веки, меня окликнул дежурный по заставе:

– Товарищ лейтенант, вы просили разбудить на рассвете...

Передав участок морякам, я под усиленной охраной отправил в комендатуру секретные документы, пограничную книгу и переходящее Знамя, второй раз подряд завоеванное 3-й заставой. (Из комендатуры знамени было доставлено в отряд. По чьей-то вине оно было забыто в штабной землянке и после отхода отряда попало в руки врага. Фашисты поспешили растрюбить о «разгроме» 103-го погранотряда в специальной листовке, в которой поместили снимок этого знамени.)

Тяжело было покидать остров, сотни раз исхоженный вдоль и поперек, ставший за полтора года родным и близким. Перед посадкой на катера каждый пограничник взял щепотку земли и завернул ее в уголок носового платка.

* * *

Части 23-й армии и подразделения пограничников (сводные группы под командованием начальника штаба отряда майора С. Н. Охрименко и начальника 1-го отделения штаба отряда капитана М. А. Ревуна) героически сдерживали бешеный натиск врага. В тяжелых оборонительных боях они наносили ему ощутимые удары. Действия сухопутных войск поддерживали моряки Краснознаменного Балтийского флота. Но силы были неравными. Наши войска медленно, с боями, но отходили. Обстановка менялась с каждым днем.

Прибыв в Ремпетти, я поспешил с докладом к начальнику отряда.

Подполковник П. М. Никитюк сидел за столом и пристально разглядывал лежавшую перед ним карту.

– Засиделись на острове, а? – улыбаясь, спросил он, выслушав меня и протянув мне руку. – Есть предложение проветриться. Как?

– Готов выполнить любой приказ.

– Вот и хорошо! Садитесь, пожалуйста, слушайте. Начальник отряда разглядел карту и начал рассказывать, как складывается обстановка на фронте:

– Противник не проявляет сейчас активности северо-восточнее Выборга. Зато жмет вот здесь – в районе железнодорожных станций Сяйние и Перо. По всему видно, стремится вбить здесь клин и выйти к городу Терийоки. Одновременно немцы и финны пытаются высаживать морские десанты на острова и продвигаться вдоль Приморского шоссе, захватить город Койвисто. Их намерения ясны: отрезать подразделения пограничников от частей 23-й армии, окружить и уничтожить их, выйти к Ленинграду одновременно с группировкой, действующей в Эстонии.

Подполковник положил руки на карту.

– Все свои силы мы сейчас стягиваем к Ремпетти. Если уж бить, то кулаком, а не растопыренными пальцами. – Петр Михайлович сжал кулак и стукнул им по столу. – Беда в том, что мы не знаем истинного положения дел. Майор Охрименко и капитан Ревун дерутся о противником днем и ночью. Им, конечно, не до разведки...

Майор Охрименко... Я сразу представил себе этого крутолобого человека с волевым рябоватым лицом. Судьбе было угодно, чтобы моя первая встреча с ним в марте 1940 года была и последней. Как-то так случилось, что я приезжал в отряд в те дни, когда Семен Никифорович находился в каком-нибудь подразделении. В самое тревожное время майор побывал на нашем острове, но мы снова не встретились – меня тогда вызвали в Ленинград за получением кандидатской карточки.

Капитана Ревуна я знал лишь понаслышке. О нем говорили как о грамотном командире, хорошем штабном работнике.

– Что я хочу от вас? – вывел меня из задумчивости подполковник Никитюк. – Возьмите с собой несколько пограничников из тех, кто отлично держится в седле, и разведайте вот этот район, – начальник отряда показал на карте, какой именно, – на глубину двадцать пять-тридцать километров.

Он еще раз пристально взглянул на карту, отметил там что-то и продолжал:

– Вы, товарищ Козлов, в этом деле будете первооткрывателем. Никто из пограничников в разведку еще не ходил. Одного прошу не забывать: вы теперь не на острове, а, как принято говорить, на Большой земле. Здесь свои законы боя.

– А какая разница, товарищ подполковник? – в недоумении спросил я. Ведь и на границе мы действовали по пехотным уставам.

– Не спорю, – согласился Никитюк. – Берусь даже утверждать, что никто не владеет тактикой борьбы мелкими подразделениями так, как пограничники. Но теперь этого недостаточно, совершенно недостаточно. Поймите сами и втолкуйте подчиненным. Здесь надо не в бинокль смотреть на сопредельную сторону, а сходить с противником грудь в грудь, и не только мелкими подразделениями. Здесь надо думать не о том, как расположить и усилить наряды, а о том, как организовать взаимодействие с пехотой и артиллерией, с моряками. В этом наша сила! Надо думать и над тем, как обеспечить снабжение личного состава боеприпасами, накормить, наладить эвакуацию раненых...

Беседа с начальником отряда помогла и мне и моим подчиненным освоиться в новых условиях.

Хотя разведка и была, что называется, первым блином, провели мы ее хорошо – начальник отряда остался доволен. В дальнейшем подобные конные разъезды уходили в сторону противника ежедневно. Нередко они встречались с мелкими группами фашистов, просочившись через наши боевые порядки, и в перестрелках уничтожали их или захватывали в плен. В связи с этим мне дважды приходилось выполнять обязанности переводчика.

Помню, подполковник допрашивал ефрейтора-танкиста с кукольным девичьим лицом. Наши разведчики так быстро схватили его на берегу озера, куда он пришел купаться, что никто

из находившихся поблизости фашистов ничего не заметил. Теперь танкист сидел в кабинете начальника отряда и надменно смотрел на окружавших его пограничников. Ефрейтор кривил губы и морщился всякий раз, когда я переводил ему вопрос подполковника Никитюка. Отвечал он резко, отрывисто, будто лаял.

Неожиданно пленный обратился ко мне на чистейшем русском языке:

– Вы – плебей, вам недоступен язык высшей арийской расы.

И к начальнику отряда:

– Довольно ломать комедию, подполковник. Сдавайтесь в плен, и мы спасем вам жизнь. Песенка Советской власти спета!

– Какая же вы дрянь, ефрейтор! – вскипел Никитюк. – Как быстро оболванил вас Гитлер! Не знаю когда, но война закончится на вашей земле, ефрейтор. Ваши соотечественники, кланяясь в три погибели, еще раз преподнесут русскому народу, народу-победителю, ключи от Берлина!

Кивнув в сторону конвоиров, подполковник приказал:

– Отведите этого сопляка в особый отдел!

– Зачем же в особый отдел? – залепетал сразу сникший фашист. Расстреляйте лучше сами...

– Вы будете жить, ефрейтор, – резко сказал Никитюк. – Вы еще увидите позор вашего кумира!..

Другой пленный подобострастно заглядывал мне в глаза и, словно заведенный, задавал один и тот же вопрос: «Вы меня убьете?» Торопясь и захлебываясь, рассказал, что он артиллерист, ответил на все заданные ему вопросы. По собственной инициативе сообщил, что в национал-социалистической партии не состоит и не думает вступить в нее.

– Если б и надумали, то теперь уже поздно! – сказал я на это.

– Вы меня убьете? – по-своему понял меня пленный. Поблизости остановилась автомашина (допрос шел на улице). Водитель выскочил и побежал куда-то, резко хлопнув дверцей. Пленный побелел и упал. Все засмеялись, а один из пограничников, принимавших участие в пленении этого солдата, сказал:

– Немец только тогда силен, когда он наверху, а попал вниз – и сразу скис...

Несколько раз отправлялся я в разведку. И вот еще одно задание начальника отряда:

– Надо выехать в район железнодорожной станции Кямря, разведать силы противника, узнать, какие наши войска там действуют. Одним словом, уточнить обстановку на правом фланге. Ясно?

– Ясно, товарищ подполковник! – ответил я.

– По-моему, человек десять вам вполне достаточно, – прикинув в уме, сказал подполковник. – Возьмите грузовую автомашину и мотоцикл. Станция Кямря отсюда в тридцати километрах. Будьте осторожны. Не забывайте: мне нужны самые подробные данные об этом районе!

Еще находясь в кабинете П. М. Никитюка, я прикинул, кого следует взять с собой, поэтому на сборы времени много не потребовалось – через час наша разведывательная группа тронулась в путь. Впереди шел мотоцикл, которым управлял красноармеец И. С. Уколов, один из лучших спортсменов, сухощавый, жилистый, обладавший недюжинной силой. В коляске сидел сержант Угодкин, прирожденный разведчик, меткий стрелок и пулеметчик, мастер метания гранат. Я сидел в кабине полторки, восемь красноармейцев с автоматами, готовые ко всяким неожиданностям, – в кузове.

Солнце заволакивали рваные облака. Тревожно гудели вершины сосен. Справа и слева то и дело возникала перестрелка, ухали взрывы.

Вдруг остановка: из-за бомбовых воронок шоссе стало непроезжим. Мы свернули на лесную, мало наезженную дорогу.

Перестрелка слышалась теперь спереди. Вскоре показались раненые. От них мы узнали, что бой идет за станцию Кямря.

Я решил проскочить переезд и укрыться в лесу. Но противник заметил нас. Недалеко разорвалась мина, за ней вторая, третья: Водитель погнал машину и на той стороне железной дороги, в лесу, резко остановил ее. Бойцы выпрыгнули из кузова и залегли. Мотоцикл был разбит. Красноармейца Уколова легко ранило. Сержант Угодкин оказался целым и невредимым.

За узкой полосой леса, тянувшейся перпендикулярно станционному поселку, мы не могли видеть наших. Но по напряжению боя я понимал, что с врагом дерутся смелые, хорошо обученные парни.

Внезапно ржаное поле зачернело от вражеских солдат – очередная вражеская попытка ворваться на станцию. В такую минуту я не мог остаться в стороне и принял решение открыть огонь. То тут, то там, судорожно взмахнув руками, фашисты падали на землю. Но натиск противника не ослабевал.

Справа раздалось громкое «ура!», и мы увидели, что в контратаку пошли моряки. (Это они, оказывается, обороняли станцию.)

– Поддержим, товарищ лейтенант? – спросил меня сержант Угодкин, облизывая языком пересохшие губы и поудобнее устраиваясь за пулеметом.

– Конечно, поддержим! – ответил я.

Враг не выдержал и откатился.

– Спасибо! – коротко поблагодарил меня морской командир, когда мы встретились. – Сегодня они больше не сунутся.

Но они сунулись. На этот раз решили зайти нам в тыл. Намерения врага разгадал красноармеец С. Н. Притуло, посланный мною еще с одним бойцом в разведку. Подпустив противника на близкое расстояние, мы открыли по нему огонь из пулемета и автоматов. Оставив несколько человек убитыми, фашисты отошли.

Настроение у всех было приподнятое. Первая встреча с врагом – и такая удача! Решаю дать бойцам отдохнуть, подкрепиться, привести в порядок оружие.

– Вряд ли бы так сложились мои боевые дела на заставе, – философствовал сержант Угодкин. – Мне просто повезло, что я попал на фронт, что сегодня был в бою. Приеду после войны домой, как начну рассказывать – у всех дух замрет...

Красноармейцы дружно рассмеялись. Ведь каждый из них думал об этом же, каждого переполняла гордость, что ему посчастливилось как следует всыпать врагу!..

В отряд мы вернулись вечером. Сведения о противнике и наших войсках (собрать их помогли и моряки) удовлетворили подполковника Никитюка. За выполнение боевой задачи он объявил нам благодарность.

К тому времени в отряде стало известно о мужестве и отваге бойцов 1-й заставы.

Лейтенант В. Г. Девятых получил приказ установить связь с заставой соседнего погранотряда. Рано утром с острова Тейкар-Саари отошла моторная лодка. Когда пограничники приблизились к мысу Миткя-Ниemi, была обнаружена большая группа противника. Одновременно справа, с острова Санто-Саари, фашисты открыли пулеметный огонь. Девятых и его бойцы оказались в трудном положении. И все же пограничники вступили в неравную схватку, уничтожили расчет вражеского пулемета и благополучно вернулись к себе на заставу.

В этот же день на помощь пограничникам прибыли моряки-балтийцы. Им поручалась оборона острова Тейкар-Саари. Вскоре здесь развернулись ожесточенные бои, и под прикрытием авиации противник высадил десант до усиленного батальона пехоты. Заставе лейтенанта Девятых было приказано задержать фашистов в северо-западной части острова, чтобы дать возможность морякам эвакуировать артиллерию.

Атаки врага следовали одна за другой. Появились раненые и убитые, но пограничники сражались умело и самоотверженно.

С каждым ~часом таяли ряды защитников острова. Осколком снаряда перебило ногу лейтенанту Девятым, но он продолжал руководить боем. Не покинули своих позиций и другие бойцы, получившие ранения.

Застава героически выполнила задачу. Пограничники дрались до последнего патрона. И только после того, как противник высадил дополнительно свежую роту, ему удалось овладеть островом. На единственной лодке спаслись шесть раненых пограничников. Несколько краснофлотцев добрались до острова Койвисто на плоту из досок. Остальные, в том числе лейтенант Девятым, погибли. В этом бою противник потерял более ста человек убитыми и ранеными.

* * *

Враг стягивал свежие силы, торопясь захватить Карельский перешеек. Разведка сообщала о прибытии новых подразделений пехоты, артиллерии и танков. Действовали гитлеровцы нагло и самоуверенно. Даже днем, бывало, идут открыто, без особых предосторожностей. Помню, однажды прибежал запыхавшийся боец, докладывает:

– Товарищ лейтенант, на опушке леса фашисты!

Пригляделся. Вижу: действительно, прут к нашему переднему краю.

Командиру отделения связи сержанту Н. Ф. Ятченко я приказал выдвинуться с пулеметом вперед, чтобы открыть огонь с фланга (Ятченко был не только первоклассным связистом, но и отличным пулеметчиком). Сам тоже лег за «максим». Когда фашисты приблизились, заработали вместе два пулемета. И сразу, конечно, началась паника: мечутся гитлеровцы из стороны в сторону, словом, дали мы им по зубам.

Вечером, дождавшись темноты, фашисты подтянули установку с громкоговорителями. Уж как только они не ругали нас, какими только словами не поносили! А мы втихомолку посмеивались. Раз дошло до ругательств, значит, противник и в самом деле получил хороший урок.

Но это был всего лишь эпизод. Между тем обстановка продолжала осложняться. Получив подкрепление, враг любой ценой стремился развивать наступление на юг, вдоль шоссе, ведущего к Ленинграду.

Мы не отходили на заранее подготовленные позиции – их у нас попросту не было. Отходили с изнурительными, кровопролитными боями, не имея сил отбросить противника, и он все время был у нас за плечами. Больше того, моторизованные группы автоматчиков то и дело оказывались у нас в тылу. Эта тяжелая, исключительно сложная обстановка требовала от начальника отряда и его штаба, от комендантов пограничных комендатур и начальников застав гибких и смелых решений, умелых действий.

Попав в окружение, бойцы капитана Ревуна сражались героически. Но противник имел численное превосходство, был лучше вооружен. Из окружения пробились немногие. М. А. Ревун был ранен, но тоже вышел к своим.

Перестала существовать как боевое подразделение и группа майора Охрименко, до конца выполнившая свой долг. В одном из боев Семен Никифорович Охрименко пал смертью храбрых. Его гибель опечалила всех. Не стало человека, которого все уважали и горячо любили. Это он, майор Охрименко, воодушевлял пограничников на подвиги, искал и находил лучшие решения в неимоверно сложной обстановке первых дней войны.

Противник высадил морской десант на мыс Пуст-Ниemi. Замысел его был ясен: перерезать Приморскую шоссеиную дорогу, связывающую Выборг с Ленинградом. Ясна была и задача нашего пограничного отряда, действовавшего со школой младшего комсостава Балтийского флота: уничтожить вражеский десант.

К тому времени из остатков пограничных застав отряда была сформирована резервная застава. В нее также вошли оставшиеся в живых красноармейцы и младшие командиры сводной группы майора С. Н. Охрименко. Чтобы не допустить путаницы при постановке боевых задач (мы действовали совместно с частями и подразделениями 23-й армии), ее стали называть ротой. Она насчитывала около ста человек, на вооружении имела станковые и ручные

пулеметы, 50-миллиметровые минометы, противотанковые ружья, СВТ (самозарядные винтовки Токарева) и автоматы. Командиром назначили меня, заместителем – младшего политрука Можаяева, политруком – младшего политрука А. Д. Семушина.

Когда стало известно о высадке десанта, резервную роту срочно перебросили в район боевых действий. Противник уже овладел разъездом Лихниemi, готовясь к решительному наступлению.

К вечеру рота вступила в бой. С ходу пришлось заняться ликвидацией засевавших на деревьях вражеских «кукушек», а с наступлением темноты оборудовать огневые позиции на отведенном нам рубеже обороны.

Пользуясь затишьем, младший политрук Семушин и замполитрука Пасечник побеседовали с каждым пограничником, отдельно поставили задачи перед коммунистами и комсомольцами.

– Противник будет наступать, – говорили они. – У него много минометов и автоматического оружия и еще больше нахальства. Наша задача – не только дать фашистам по зубам, но и разбить их. Мы решим ее, если каждый пограничник сделает для этого все, что может, и еще кое-что, то, что никто не может...

Ночь прошла тревожно. На следующий день нас ждали новые осложнения. Захватив мыс Тронг-Сунд, фашисты высадились в районе разъезда Низмеля. Нашей роте совместно с моряками-курсантами предстояло выбить врага из этих пунктов.

Для нас бой сложился удачно. Началось все на рассвете, когда мы выдвинулись на рубеж атаки. Боевое охранение противника встретило нас огнем пулеметов и автоматов, но натиск пограничников был стремительным. С криками «ура!», ведя прицельный огонь, мы ворвались в здание кирпичного завода, забросали фашистов гранатами и заставили отступить.

Столь же успешно действовали наши соседи-моряки. Они захватили разъезд Ниэмеля и тем самым предупредили высадку новых десантов.

Вот что говорится о том памятном мне бое в характеристике боевых действий 103-го погранотряда на Карельском перешейке и подступах к Ленинграду в августе – сентябре 1941 года, составленной начальником войск НКВД охраны тыла Ленинградского фронта генерал-лейтенантом Степановым и начальником штаба войск полковником Андреевым:

«...Противник занял Ниэмеля и ворвался на кирпичный завод. Роте пограничников под командой лейтенанта Козлова была поставлена задача во взаимодействии со школой младшего начсостава Краснознаменного Балтийского флота, наступавшей на юго-западную опушку леса, что севернее и северо-западнее ст. Койслаhti, выбить противника из кирпичного завода и деревни Ниэмеля.

В результате напряженного боя противник из этих пунктов был выбит. В этом бою противник потерял 50 человек убитыми и 9 человек ранеными.

Нами было захвачено много винтовок, автоматов, гранат, два миномета и большое количество винтовочных патронов.

Наши потери в этом бою убитыми и ранеными до 20 человек. Наступление роты поддерживало два 76-мм орудия батареи Красной Армии.

В последующем весь день... велись тяжелые оборонительные бои в районе Койслаhti против атакующего противника. Последний производил сильные артиллерийско-минометные огневые налеты на боевые порядки пограничников и школы Краснознаменного Балтийского флота.

...После налета нашей авиации на боевые порядки противника рота пограничников и школа Краснознаменного Балтийского флота перешли в контратаку. На северной окраине Койслаhti завязался рукопашный бой, в результате которого белофинны были оттеснены в глубь леса. В этом бою храбро и мужественно сражалась рота пограничников, которая приняла на себя несколько контратак противника».

Не стану скрывать – я горжусь, что водил свою роту в рукопашную схватку. Испытание это для человека серьезное. Именно поэтому я хочу рассказать о том бое подробнее.

Не продвинувшись ни на шаг, фашисты с остервенением второй день били по станции и поселку Койслахти. То и дело налетала вражеская авиация. Рушились дома и станционные постройки. Дороги, изрытые воронками, заваленные телеграфными столбами, вырванными взрывами, стали непроезжими и непроходимыми. Солнце то тонуло в клубах черного дыма, то снова выплывало багрово-красное, будто раскаленное в этом аду.

Стремясь во что бы то ни стало выбить нас с занимаемых рубежей и на наших плечах ворваться в Койслахти, до которого было не больше двух километров, противник предпринял еще одну – трудно сказать, какую по счету! – попытку. На этот раз в наступление пошли немцы, видимо разочарованные в действиях своих союзников – финнов. Мундиры у всех расстегнуты, рукава закатаны до локтей, каски либо сбиты набекрень, либо привязаны к поясам. Слышались громкие окрики офицеров.

– Связь действует? – спросил я младшего сержанта-артиллериста, находившегося неподалеку.

– Отлично действует, товарищ лейтенант!

– Скажи своему командиру, пусть даст огоньку, как было условлено.

– Есть!

И вот над головами засвистели наши снаряды. Метко били артиллеристы! Вдруг огонь прекратился.

– В чем дело? – спрашиваю.

– Снаряды кончились... – вздохнул младший сержант.

Вскоре гитлеровцы снова зашевелились, начали перебегать от дерева к дереву, от валуна к валуну.

«Пока рано», – мысленно говорил я сам себе, прикидывая, какое расстояние разделяет нас.

Бывают критические минуты, которые заставляют человека вспомнить пройденный путь. И вот за мгновения перед ним пролетают годы, десятилетия. Для меня таким моментом была атака фашистов. Не сама схватка, тяжелая и кровопролитная, а те полторы сотни метров, которые отделяли нас и сокращались с каждой секундой. Я отчетливо вспомнил детство, годы учебы, службу на границе... И до того мне все это реально представлялось, словно наяву видел. Продолжалось это какие-то считанные секунды, а сколько теплых воспоминаний о прошлом впитали они в себя! Сколько сил мне прибавили!

«Вот теперь в самый раз!» – решил я, еще раз прикинув расстояние.

– Огонь!

Скороговоркой, захлебываясь, застрочили станковые и ручные пулеметы. Стрелки открыли залповый огонь из винтовок. Немцы нехли потери, но по инерции продолжали катиться на нас. Еще громче кричали их командиры: «Форвэртс! Шнелль!» (Вперед! Быстрее!)

– Гранаты к бою! – командую.

Заработала «карманная артиллерия». Немцы падали, сраженные осколками, корчились на земле раненые. Но лавина продолжала катиться на нас – фашисты решили навязать нам рукопашную схватку. Что скрывать, вначале жутко было отрываться от земли. Промелькнула даже мысль о смерти, но тут же забылась, не задев ни душу, ни сердце.

Я бежал, сжимая в правой руке автомат. Справа и слева от меня бежали пограничники. Воздух содрогался от их громового «ура». Я верил в каждого из них: не дрогнет, не отступит, сам погибнет, а товарища выручит.

Прямо передо мной вырос здоровенный детина. От жары и бега он вспотел. Светлые, словно бы вылинявшие, жиденькие волосы слиплись в сосульки. На мясистом, облупившемся на солнце носу висела мутная капля. Справа у солдата болтался ребристый металлический

цилиндр – коробка с противогазом. На пояском ремне – каска. «Он, гад, даже не боится, что ему голову могут размозжить!» – зло подумал я и, ухватив автомат за ствол, так ударил немца прикладом, что даже рукам стало больно.

Верзила вскрикнул и мешком свалился на землю.

Это был первый гитлеровский солдат, убитый мною в рукопашной схватке, тоже первой в моей жизни.

Ставя роте боевую задачу, подполковник Никитюк сказал:

– Может быть, кто-то из вас погибнет. – Он помолчал немного и со вздохом добавил: – Наверняка погибнет – на войне как на войне. Но до этого от руки каждого из вас должны погибнуть несколько врагов. Иной арифметики я не признаю и вам не советую знать другую.

«Один на моем счету уже есть, товарищ подполковник!»

Бой продолжался. Краем глаза я увидел, как фашист, схватив автомат за откидную скобу (у него, видимо, кончились патроны), занес его над собой, чтобы с силой обрушить на голову пограничника М. Галимова, увлекшегося схваткой. Даю короткую очередь. Гитлеровский солдат неестественно быстро обернулся и, так и не успев опустить рук с автоматом, упал плашмя. Пограничник Галимов, которому грозила смертельная опасность, даже не заметил, что произошло у него за спиной.

«Второй!» – мысленно отметил я в памяти.

Бой распался на десятки схваток. Казалось, об управлении им не могло быть и речи. Дикая вопли, крики, стон, брань, лягз оружия – все перемешалось, как перемешались люди. В ход шли штык и приклад, кинжал и выстрел в упор, кулаки и зубы...

До взвода фашистов, прикрываясь кустарником и отдельными деревьями, бегом направлялись к месту схватки. Я послал связного к младшему политруку Можаяеву, находившемуся вместе с отделением Ф. Д. Помозкова на правом фланге и приказал отсечь этих гитлеровцев огнем станкового пулемета. Можаяев и Помозков блестяще справились с задачей.

Бойцы сражались героически. На моих глазах красноармеец С. И. Гудков выбил оружие из рук немца. Словно рысь, тот кинулся на пограничника, ухватился за ствол винтовки, прижал к земле. Гудков нажал на спусковой крючок. Выстрел ошеломил гитлеровца, тот испуганно отпрянул, и Гудков тут же прикончил его.

И. В. Михайлов и Х. С. Хайбулин на моих глазах одновременно поразили штыками откормленного обер-ефрейтора. Пограничники подняли фашиста на штыки и с яростью бросили его на головы солдат, метнувшихся на помощь своему командиру. Немцы инстинктивно расступились, и тело обер-ефрейтора тяжело грохнулось о землю. Красноармейцы быстро, словно из автоматов, сделали несколько прицельных выстрелов и уложили вражеских солдат.

– Кто еще хочет на Ленинград? – крикнул Михайлов и вместе с Хайбулиным поспешил на помощь пограничнику, на которого налетели сразу трое фашистов.

Напряжение давало о себе знать. Хотелось хоть минуту отдохнуть, перевести дух, вытереть пот, градом катившийся по лицу, выпить глоток воды. Но этой минуты не было. На меня несся долговязый унтер-офицер с Железным крестом на груди, видимо, свидетель только что закончившейся схватки, героями которой были Михайлов и Хайбулин. Солнце играло на широком штыке его винтовки. До сих пор зримо представляю себе этого фашиста – его разинутый орущий рот, перекошенное дикой злобой лицо, налитые кровью глаза.

Я положил автомат на валун, прицелился и нажал на спусковой крючок. Немец остановился, будто налетел на стену, выпустил оружие, обеими руками схватился за живот и, как при замедленной киносъемке, стал оседать на землю.

«Третий!» – промелькнуло в мозгу.

Остановившись возле дерева, я осмотрелся. Напряжение боя заметно спадало. Тут и там валялись мертвые гитлеровцы. Вражеская атака сорвалась. Но противник не отказался от своего намерения захватить станцию Койслахти.

На левом фланге, в небольшой ложбине скопилась вражеская пехота. Ни политруку А. Д. Семушину, который находился в том месте, ни сержанту Н. Ф. Ятченко она не была видна за густым кустарником и валунами. Посылаю туда связного.

Семушин отлично понял мой замысел. Он развернул станковый и ручные пулеметы и ударил по противнику. Но фашисты, разъяренные двумя днями неудач и огромных потерь, лезли напролом. И тогда, как мы договорились ранее, политрук выпустил две красные ракеты. В контратаку поднялись курсанты-моряки, находившиеся до того в засаде. Пулеметы умолкли – политрук приказал прекратить огонь, опасаясь поразить своих.

Снова загремело молодецкое «ура!». Балтийцы смяли фашистов. Атака моряков утроила силы изрядно уставших пограничников. Мы гнали немцев и финнов около километра, пока наконец те не затерялись в густом лесу.

Наступила тишина. Ни одного выстрела, ни одного взрыва. Только за спиной у нас по-прежнему полыхали пожары. Дым густой пеленой затянул верхушки елей.

Все тело ныло. Руки и ноги стали тяжелыми, будто налитые свинцом. В голове гудело, словно приложил ухо к телефонному столбу.

Бойцы отдыхали. Один лежал на спине и не мигая смотрел в небо, другой сидел облокотившись на колени и жевал травинку, третий наводил порядок в ранце...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.